

ходящихъ въ странѣ малыя Россіи архіереевъ греческихъ и сербскихъ, и незнатно и то, откуда ѣздяще, безъ всякаго возбраненія по градомъ и весямъ поставляютъ во іереи и діаконы ни къ церквамъ, ниже въ монастыри; иже оттуду приходятъ и къ намъ во грады, неимуще коего о посвѣщеніи своемъ извѣщенія и писанія (еже у собственныхъ архіереевъ свойственныхъ епархіи творится и даются грамоты извѣстительныя чіе либо достоинство чина)“. Затѣмъ патріархъ указываетъ на то, что проживающіе въ Малороссіи греческіе архіереи „много у васъ творятъ самочинно, и служатъ вездѣ никѣмъ возбраняемы, и величаются церковнѣ именами титлъ своихъ во эктиніяхъ, гдѣ кто придетъ или при которой церкви живетъ, а Мелетій ахридонскій зовется патріархомъ. Откуда сіе взя такую честь и кто ему когда даде? Еще же онъ, яко свидѣтельствуютъ патріарши здѣ грамоты, изгнанъ, бывъ тамо архіепископъ, а не патріархъ. И въ царствующемъ здѣ градѣ бывъ нѣкогда, архіепископомъ же звался; токмо чесога ради изъ своея епархіи изгнася и тако скитається? знатно не за добро!“ Въ виду этаго патріархъ предписываетъ митрополиту: „которыя тамо странныя архіереи суть во градѣхъ малороссійскихъ—служити и безчинно тако святити во священнослужители не вели, да свидѣлствуются предками (напередъ?), аще истинни; и въ церковномъ пѣніи и молитвахъ и ектеніяхъ возглашати пришельцевъ имена съ титлами возбрани; и жили-бы въ монастырѣхъ, а не по мірскимъ дворамъ бездѣльно скиталися, во униженіе чести архіерейской, въ поношеніе явное невѣждъ. Да и впредь кто придетъ откуда, чтобъ безъ нашего благословенія и свидѣлства никто не служилъ литургіи. И о томъ нашей мѣрности отпиши: суть-ли таковая тамо, и колико ихъ нынѣ по градамъ, и кто они имяны, и гдѣ живутъ, суть-ли у нихъ свои епархіи. А ахридонскому бывшему архіепископу, нынѣ безглавно и самоуверенно именуемому патріарху въ гордости, по всякому образу служити въ твоей епархіи не вели, и гдѣ онъ будетъ, въ церкви, чтобъ священники отнюдь въ церковномъ служеніи и пѣніи не поминали его имянно, и патріархъ онъ весьма да не имянуется“. „Послалъ патріархъ Адріанъ особую грамоту и гетману Мазепѣ. Недобрѣ убо

нашей мѣрности нынѣшняго времени совершенно изъявися, пишетъ онъ, яко въ малой Россіи пріѣзжіе отъ коихъ либо странъ архіереи, ни извѣстія и ни свидѣлства коего имущи о себѣ, служатъ самовольно, гдѣ кто прибудетъ, и въ чинъ священный ставятъ — въ діаконы и въ попы, и называются епископы, митрополитами, архіепископы и патріархами, инии подъ запрещеніемъ тамо своихъ архіереевъ, инии извержены сана, инии безъ мѣстъ, кто гдѣ за мзду поставится, и величаются въ церквахъ, и попамъ велятъ имена своя поминать въ церквахъ чужихъ епархіи“. Патріархъ проситъ гетмана содѣйствовать Кіевскому митрополиту въ прекращеніи всѣхъ этихъ злоупотребленій, проситъ не позволять ахридскому архіепископу Мелетію называться патріархомъ и служить въ малороссійскихъ городахъ, причемъ въ заключеніе замѣчаетъ, что если у нихъ существуетъ нужда въ большемъ количествѣ архіереевъ, то въ нѣкоторыхъ городахъ ихъ можно поставить, „яко о томъ, добавляетъ Адріанъ, прошедшихъ лѣтъ слышавъ святѣйшій Киръ Досіеѣй, патріархъ іерусалимскій (что скитающіися безмѣстни архіереи не благочинствуютъ) писалъ, ежебы гдѣ ради многаго народа въ Малороссіи епископа и не одного поставити“⁸⁶).

ГЛАВА V.

Если патріархъ Досіеѣй принималъ самое живое и дѣятельное участіе во всей нашей церковной жизни, всегда готовый посовѣтывать, наставить, предостеречь, а при случаѣ и обличить, если онъ горячо и непрестанно заботился о томъ, чтобы все въ русской церкви совершалось правильно, по чину, безъ всякихъ перемѣнъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ существующими церковными правилами и постановленіями, въ строгомъ духѣ православія, если онъ вообще являлся въ отношеніи къ русской церкви заботливымъ попечительнымъ отцомъ, непрестанно пекущемся о судьбѣ, благосостояніи и процвѣтаніи любимаго дѣтища; то не менѣе живое и дѣятельное

⁸⁶) А. Юго-Зап. Рос. V, стр. 406—410.

участіе п. Досіеѣй принималъ и въ судьбахъ русскаго государства, желая видѣть его сильнымъ, могучимъ и страшнымъ для всѣхъ враговъ. Въ качествѣ тайнаго политическаго агента Досіеѣй служилъ Россіи болѣе сорока лѣтъ, служилъ ей вѣрою и правдою, буквально не щадя живота своего, ничего не требуя отъ русскаго правительства за свою рискованную службу, считая службу интересамъ Россіи службою всему православію, службою самому Богу.

Политическая служба Досіеѣя Россіи заключалась прежде всего въ томъ, что онъ сообщалъ нужныя свѣдѣнія нашимъ константинопольскимъ посламъ, давалъ имъ совѣты и наставленія какъ имъ слѣдуетъ вести себя съ турками въ томъ или другомъ случаѣ, пересылалъ ихъ отписки въ Россію, а имъ передавалъ бумаги, идущія къ нимъ отъ русскаго правительства и т. под.⁸⁷⁾

Первыя сношенія Досіеѣя съ русскими послами въ Константинополѣ относятся еще къ 1667 году, когда Досіеѣй былъ кесарійскимъ митрополитомъ. Въ статейномъ спискѣ посла Нестерова между прочимъ рассказывается, что 11 ноября 1667 года, когда послы находились въ Константинополѣ, къ нимъ приходилъ тайно кесарійскій митрополитъ Досіеѣй (котораго послы ошибочно называютъ Θεодосіемъ) и сказывалъ, что онъ только 10 числа пріѣхалъ изъ Адрианополя, откуда султанъ выѣхалъ „для потѣхи“ къ Филиппополю, а визирь съ войскомъ находится на о. Критѣ, осаждая Кандію, занятую венеціанами, при чемъ венеціане побили у турокъ 30,000 людей. Да венеціане жъ заняли своими кораблями лиманъ, гдѣ стояли турецкіе каторги, и, захвативъ эти каторги, сожгли ихъ или потопили, причемъ побили людей больше 10,000, почему нынѣшній визирь опасается себя за это отъ султана казни. 16 февраля 1668 года къ послу Нестерову явился грекъ Мануилъ Ивановъ и отъ имени Досіеѣя словесно заявлялъ послу: „писалъ-де къ нему (Досіеѣю) изъ Царягорода въ Адрианополь филиппопольскій митрополитъ

⁸⁷⁾ См. грамоту Досіеѣя государю отъ 20 юніа 1704 года (прилож. № 10), гдѣ онъ самъ опредѣляетъ, чѣмъ и какъ служилъ онъ въ Константинополѣ послу Толстому.

Гавриилъ: слышалъ де онъ въ Царегородѣ, что запорожскихъ черкасъ полковникъ Сѣрко нынѣшніе зимы приходилъ въ Крымъ войною и разоренье учинилъ не малое. И по указу де салтанову во Царегородѣ дѣлаютъ десять каторгъ и прибираютъ янычаръ вновь, а посылаютъ де тѣхъ новоприборныхъ янычаръ на тѣхъ каторгахъ на Черное морѣ для обереганья отъ запорожскихъ черкасъ, чтобъ запорожскіе черкасы безвѣстно на Черное море не приходили и турскимъ и крымскимъ городамъ и уѣздамъ разоренья не чинили“⁸⁸⁾. Самъ Досіеѣй о своей службѣ послалъ Нестерову и Вахрамѣеву въ 1706 году писалъ нашему константинопольскому послу Толстому слѣдующее: „мы обрѣтаемся въ дому божественнѣйшаго слуги уже нынѣ сорокъ три лѣта, понеже, когда былъ архидіакономъ у блаженнѣйшаго патріарха киръ Нектарія, писавъ письмена къ блаженные памяти къ царю Алексѣю Михайловичу и зналъ онъ, блаженные памяти, состояніе наше. Тѣмъ же по сихъ сущу мнѣ митрополиту кесарійскому, и присла ту блаженные памяти царю Алексѣю Михайловичу суды двухъ пословъ; патріарховъ ради антиохійскаго и александрійскаго, Аванасія Іоанновича, Іоанна Вахрамѣевича и приказалъ имъ, да имѣютъ насъ здѣ въ прошеніи. Тѣмъ же поидохъ купно съ ними во Адрианополь, яко порта тамо тогда баше, и елика насъ слушали послы, толико ихъ службы бяху непорочны; имѣюще же совѣтъ съ нѣкоторыми людьми и неслушающе насъ, во еже управлять ихъ, стался единъ турченинъ и происходатайствоваше имъ многая болѣзноглавленія у порты“⁸⁹⁾. Нужно замѣтить однако, что въ царскомъ наказѣ посламъ Нестерову и Вахрамѣеву ни слова не говорится о томъ, чтобы они совѣтовались съ бывшимъ архидіакономъ іерусалимскаго патріарха кесарійскимъ митрополитомъ Досіеѣемъ, и что статейные списки пословъ вовсе не говорятъ о томъ, чтобы Досіеѣй былъ совѣтчикомъ и руководителемъ пословъ и чтобы онъ оказывалъ имъ какія либо особыя услуги. Напротивъ послы о всѣхъ грекахъ вообще замѣчаютъ, что они ни въ чемъ не помогали имъ—посламъ, а

⁸⁸⁾ Турецкіе статейные списки № 10, лл. 67, 198 об.—199.
⁸⁹⁾ Турецкія дѣла 1706 г. св. 7, № 3, л. 120.

Досиееѣ упоминають только въ двухъ случаяхъ (указанныхъ нами), причемъ послы не умѣютъ даже правильно называть его по имени т. е. называютъ его не Досиееемъ, а Феодосиемъ.

Сношенія Досиеея съ русскими послами въ Турціи разначавшись, не только уже болѣе не прекращались до самой смерти Досиеея, но съ теченіемъ времени становились все болѣе тѣсными и интимными, такъ что со времени царствованія Петра Досиеей сдѣлался наконецъ официальнымъ, хотя и негласнымъ совѣтникомъ и руководителемъ всѣхъ нашихъ турецкихъ пословъ, посредникомъ во всѣхъ ихъ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ, неутомимымъ собирателемъ всевозможныхъ свѣдѣній, въ какомъ либо отношеніи полезныхъ и нужныхъ для пословъ.

Когда въ 1681 году въ Константинополь отправлены были послами околыничій Илья Ивановичъ Чириковъ (который дорогою умеръ) и дьякъ Прокофій Возницинъ, то патриархъ Іоакимъ обратился къ Досиеею съ особою грамотою, въ которой просилъ его: „ежели сей посоль востребуеть отъ твоего святительства какова вспоможенія, о чемъ онъ отъ царскаго величества посланъ, слова потребнаго или добраго совѣта, ради любви Христовы, яко вѣдущій тамошнія обычаи, ему помощь въ томъ твори“⁹⁰). Досиеей охотно принялъ это предложеніе п. Іоакима и ревностно сталъ служить нашему константинопольскому послу. Вотъ что писалъ Возницинъ государю изъ Константинополя съ посланнымъ имъ въ Москву подъячимъ Протопоповымъ: „а предъ отпускомъ, государь, подъячего Тимоеея Протопопова посылалъ я, холопъ твой, переводчика Костянтина Христофорова къ святѣйшему іерусалимскому патриарху, а велѣлъ съ нимъ поговорить и спросить ево о здѣшнихъ вѣдомостяхъ. И святѣйшій патриархъ съ нимъ, Костянтиномъ, приказывалъ ко мнѣ, холопу твоему, что де турки зѣло желаютъ, чтобъ съ вами, великимъ государемъ, имѣть въ миру утвержденіе, а хотять воевать сей весны венгерскую землю, только де идетъ къ нимъ для договору цесарской посоль, однакожде они мало съ ними же-

лательны миру, и какіе бѣ де ни естъ съ вашей, великаго государя, стороны дѣла были, тѣбѣ въ нынѣшнее время совершенство свое воспріяли для того, чтобъ имъ, туркамъ, то бремя съ себя снять, и быть для венгерской войны безопасными.... А съ еросалимскимъ, государь, патриархомъ могу я, холопъ твой, часто обсылатца, понеже учинилъ я, холопъ твой, чрезъ везирскаго кегаю и чаушъ-баши, что съ прежняго волоскаго двора, на которомъ я поставленъ, переведенъ и поставленъ нынѣ противъ іерусалимскаго подворья, и для лучшаго съ нимъ и съ иными свиданья, поставилъ я, холопъ твой, кречетниковъ со птицы (которые посылались въ подарокъ султану); тогда, государь, во время божественной службы и для досмотру птицъ, мочно мнѣ часто къ нему посылать, также и ему ко мнѣ о всемъ приказывать. А на томъ, государь, дворѣ будучи, того мнѣ, холопу твоему, чинить было нельзя, потому что тогда и нынѣ никому людямъ моимъ безъ караулу ходить не велятъ, и ко мнѣ на дворъ никого не пускають, зѣло стерегутъ накрѣпко, чтобъ никто ко мнѣ не приходилъ“. Въ письмѣ изъ Константинополя „къ отцу и благодѣтелю Ларивону Ивановичу“ (думному дьяку посольскаго приказа) Возницинъ пишетъ: „тебѣ, государю, извѣщаю, что іерусалимскій патриархъ непрестанно ко мнѣ присылаетъ и истинно службу свою великому государю во всемъ кажетъ, и противъ здѣшнихъ вопросовъ какъ отвѣтъ учинить, въ чемъ мочно, я ево спрашиваюсь, и онъ мнѣ способы добрые и здравые даетъ. И есть ли, государь, кому велить Богъ и дѣло великаго государя здѣсь дѣлать, должно ево во всемъ спрашиватись, понеже человекъ преразумной и Богу и великому государю нашему истинный слуга, а которые ему, великому государю, служатъ лестно, и отъ тѣхъ остерегасть. Только я съ нимъ не видался, потому что мнѣ видится и говорить съ нимъ нельзя, да и для того, что великаго государя грамотъ и жалованья отдать ему не смѣю, а царегородской, государь, патриархъ, боясь подозрѣнія, ничѣмъ ко мнѣ до сего времени не отозвался“. Съ своей стороны и самъ Досиеей заявлялъ послу, что онъ готовъ служить государю и на будущее время. „Маія въ 13 день (1682 г.), значитъ въ „Статейномъ спискѣ“ Возницина,

90) Рукоп. сборн. СПб. библ. № 477, л. 17.

были у дьяка у Прокофья святѣйшіе патріархи: александрійскій, да іеросалимскій, и еросалимскій говорилъ ему, Прокофью, въ тайнѣ, что бѣ онъ великому государю донесъ: есть ли прилучитца о какихъ дѣлахъ великому государю писать, и великій бы государь указалъ къ нему писать безъ имени ево. и грамоты складывать малы и печатать какою малою печатью, чтобъ того никто не зналъ, а онъ де потомужь чинить станеть и о всякихъ дѣлахъ, о которыхъ потребно, писать учнетъ. И дьякъ Прокофій Возницынъ говорилъ ему, что онъ о всемъ томъ извѣстно учинить, а онъ бы, святѣйшій патріархъ, по благочестію своему великому государю послужилъ и о дѣлахъ, которые потребны и належатъ вѣдать великому государю, его царскому величеству, писалъ, а радѣніе его у великаго государя забвенно не будеть“⁹¹⁾.

Во время пребыванія въ Турціи посла Возницына въ Константинополь отправленъ былъ подъячій Тимошей Протопоповъ съ государевсю грамотою къ султану. Протопоповъ видѣлся съ Досишеемъ и имѣлъ съ нимъ разговоръ, который онъ такъ передаетъ въ своемъ „Статейномъ спискѣ“: „генваря въ 1-й день подъячій Тимошей Протопоповъ былъ у святые литоргіи и на подворьѣ у святѣйшаго Досишее патріарха іеросалимскаго, въ церкви святаго великомученика Георгія; а святѣйшій патріархъ во время божественныя службы въ той церкви былъ же и стоялъ на своемъ патріарше мѣстѣ. И Тимошей, вошедъ въ церковь, помолился святымъ иконамъ и, пошедъ къ святѣйшему патріарху, поклонился по обычаю и принялъ у него благословеніе. И святѣйшій патріархъ велѣлъ стать Тимошеею подлѣ своего патріарша мѣста съ правой стороны, и спрашивалъ его о здоровье; а потомъ говорилъ съ Тимошеемъ о строеніи московскіе восточные, соборные и апостольскіе церкви, и о украшеніи святыхъ иконъ и о церковныхъ сосудехъ и о иныхъ московскихъ поведеніяхъ. И по разговорѣхъ Тимошей говорилъ святѣйшему патріарху со упрошеніемъ, чтобъ онъ, святѣйшій патріархъ,

яко истинный архіерей и пастырь св. Гроба, желая милости къ себѣ великаго государя нашего, его царскаго пресвѣтлаго величества, объявилъ ему, Тимошеею: салтанъ турецкой и везиръ съ великимъ государемъ нашимъ, съ его царскимъ величествомъ, миру совершенно-ль желаютъ, и нѣтъ-ли у нихъ какихъ иныхъ замысловъ, которые надлежатъ къ разврату того миру, и не пойдутъ-ли обманомъ подѣ Кіевъ и мало-россійскіе города? А ему, Тимошеею, вѣдомо учинилось, что салтанъ и везиръ съ великимъ государемъ нашимъ, его царскимъ величествомъ, миру несовершенно желаютъ и хотятъ итти нынѣшніе весны войною подѣ Кіевъ, и готовятъ всякіе войнскіе припасы тайно, а великаго государя нашего, его царскаго величества посла, которой присланъ въ Царьгородъ для подтвержденія того миру, хотятъ въ Царьградѣ задержать, чтобъ объ тѣхъ ихъ замыслахъ на Москвѣ никакіе вѣдомости не было.—И святѣйшій патріархъ говорилъ Тимошеею: что онъ милости великаго государя нашего, его царскаго пресвѣтлаго величества, всегда къ себѣ желаетъ, такъ же и онъ, святѣйшій патріархъ, ему, великому государю, его царскому величеству, добра желаетъ какъ и себѣ и восточной церкви святой, и о томъ ему, Тимошеею, объявляетъ: салтанъ турецкой и везиръ съ великимъ государемъ, его царскимъ величествомъ, миру совершеннаго желаютъ, и нынѣшнихъ его царскаго величества пословъ приняли съ великою честію и приходу ихъ обрадовались для того, понеже они, бусурманы, до ихъ посольскаго приходу въ Царьгородъ были во всякомъ сумнительствѣ и опасны были отъ царскаго величества въ томъ миру невоздержанія. А нынѣ де они желаютъ крѣпко, чтобъ имъ тотъ миръ подтвердить вскорѣ, не испустя нынѣшнего зимнего времени, и чаеть де въ подтвержденіи того миру учинитца все по желанію царскаго величества для того, что салтанъ и везиръ нынѣшніе весны хотятъ итти войною на венгры, которые подѣ цесаремъ. А что де онъ, Тимошей, объявилъ ему, святѣйшему патріарху, что салтанъ и везиръ хотятъ итти съ нынѣшніе весны войною подѣ Кіевъ, а царскаго величества пословъ въ то время велятъ въ Царьградѣ задержать, и салтанъ турецкой и везиръ не только что нынѣшніе весны пойдутъ войною подѣ Кіевъ,

⁹¹⁾ Турецкія дѣла 1681 г., св. 22, № 4. Турецкіе статейные списки № 21, л. 202.

и во время житія своего на московское государство никогда войною не пойдуть для того, что московское государство отъ турецкаго государства отстоитъ въ дальнемъ разстояніи и стало за многими переправами; да и для того, что московское государство стало имъ страшно: какъ де салтанъ посылалъ везира съ турецкимъ войскомъ подъ Чигиринъ, и того де войска пошло изъ Царяграда многое число, а изъ подъ Чигирина возвратилось въ Царьгородъ самое малое число, — всё во время той войны побиты, а иные, идучи до Царяграда, отъ ранъ и съ голоду въ дорогѣ померли. Да и чигиринскому де взятю турки не ради и въ находку того себѣ не ставятъ, только ради тому, что они отъ Чигирина отошли, а пришедъ изъ подъ Чигирина, говорили: какъ-де турецкое государство и зачелось и съ кѣмъ они въ войнѣ не были, а такой побѣды ни отъ ково на себя не видали, какъ отъ войскъ царскаго величества. Да у султана-жь де нынѣ происходитъ ссора со французскимъ королемъ, и учинился ему съ ево стороны великій убытокъ и страхъ для того, что нынѣшняго лѣта выходили на морѣ въ корабляхъ французскіе многіе воинскіе люди, и многіе турецкіе каторги и корабли со многими пожитками разбили и разграбили, и стояли тѣ корабли на морѣ подъ Хіумъ. А нынѣшніе весны хотять быть въ Гирлѣ, по французски зовется Богаз', и хотять у султана просить статей многихъ, и чтобъ отпустилъ къ нимъ резидента ихъ, а буде салтанъ и везиръ по ихъ волѣ не учинять, и они де хотять итти на турковъ войною, и салтанъ и везиръ велѣли того ихъ резидента держать въ Царьградѣ за карауломъ съ великимъ утѣсненіемъ“⁹²⁾.

При возвращеніи Возницына изъ Турціи въ Москву, Досиоей послалъ съ нимъ грамоту государю, въ которой между прочимъ писалъ: „великому послу вашего царствія въ чемъ мы содѣйствовали, самъ онъ да свидѣтельствуеть. Но и онъ, Прокопій, какъ никто иной поборалъ и подвизался, что бы къ благополучному концу привести повелѣніе ваше. Разумный человекъ и честный, воистину почтилъ службу, ему врученную, хотя и немоществовалъ какъ человекъ. И Констан-

тинъ переводчикъ, какъ мы здѣсь узнали, рода честнаго и имѣеть жительство весьма православное и добродѣтельное, постоялъ во всякой службѣ вашей прилежно и вседушевно“⁹³⁾.

Такимъ образомъ за время пребыванія въ Турціи посла Возницына между Досиоеемъ и русскимъ посломъ установились настолько близкія и прочныя отношенія, что Возницынъ не только получалъ отъ Досиоея нужныя ему свѣдѣнія, но и спрашивался у него, какъ ему слѣдуетъ отвѣчать на тѣ или другіе запросы турецкаго правительства. И такъ какъ Досиоей всегда давалъ послу совѣты „добрые и здравые“, и такъ какъ онъ вообще „человѣкъ преразумный и Богу и великому государю истинный слуга“, „истинно службу свою великому государю во всемъ кажетъ“, то Возницынъ рекомендуетъ московскому посольскому приказу имѣть Досиоея въ виду и на будущее время какъ надежнаго и полезнаго совѣтника и пособника во всемъ нашимъ турецкимъ посламъ.

Съ 1686 года русскіе примкнули къ лигѣ западныхъ христіанскихъ государствъ, боровшихся съ Турціею, и начали войну съ турками извѣстными походами на Крымъ. Война эта закончилась заключеніемъ въ 1699 году, въ Карловичѣ, двухлѣтнаго перемирія. За все это время пріѣздъ нашихъ пословъ въ Турцію естественно прекратился, и только въ 1699 году въ Константинополь отправленъ былъ думный дякъ Украинцевъ, для заключенія съ турками окончательнаго мира. Съ этого времени опять начинается на время прервавшаяся было служба Досиоея нашимъ посламъ, причемъ она принимаетъ все болѣе широкій и энергичный характеръ, а русское правительство, съ своей стороны, уже прямо называетъ своимъ турецкимъ посламъ имѣть съ Досиоеемъ постоянныя и близкія сношенія и руководствоваться его совѣтами и указаніями. 33-я статья наказа, даннаго правительствомъ послу Украинцеву между прочимъ говорить: „буде миръ по данному ему, посланнику, указу великаго государя не состоятца и ему, видѣвся съ святѣйшимъ патриархомъ (Досиоеемъ), говорить и совѣтовать тайно о начинаніи войны у царскаго величества съ турки, и какими образы то дѣло

⁹²⁾ Турецкіе статейные списки № 22, л. л. 358—364.

⁹³⁾ Греческія дѣла 7191 г. № 2. Собр. госуд. грам. и догов. IV, 420—421.

наилучше дѣйствіе свое показать можетъ, и какъ возможно приступить къ Дунаю и къ галии и народомъ христіанскимъ, которые въ той войнѣ общающца вспомогаютъ, о чемъ многажды писалъ онъ, патріархъ, и протчіе къ великому государю; и говорить о томъ довольно пространными разговорами и записывать у себя самому, и о томъ потому жъ писать тайно, чтобъ сего прочіе не увѣдали“⁹⁴). Согласно полученному отъ правительства наказу Украинцевъ, прибывъ въ Константинополь, хотѣлъ было немедленно лично повидаться съ Досиѣемъ, но тотъ „приказывалъ къ послу тайно, чтобъ онъ ни о чемъ къ нему (Досиѣю) не отзывался и не присылалъ, чтобъ тѣмъ въ подозрѣніе и въ бѣду его не ввести“. Однако Досиѣй скоро нашелъ возможность вступить съ посломъ въ постоянныя хотя и тайныя сношенія. Вскорѣ послѣ своего приѣзда въ Константинополь Украинцевъ уже пишетъ государю, что Досиѣей тайно прислалъ ему извѣстіе, что турки велѣли строить новыхъ 10 кораблей, причемъ Украинцевъ замѣчаетъ: „а про него, государь, святѣйшаго патріарха, слышу я здѣсь отъ иныхъ, да и по его пересылкамъ дознаваюсь, что онъ у турковъ въ великомъ подозрѣніи и не вѣрятъ ему, и царегородской патріархъ и Александръ Маврокордатъ ему не друзья; а за то не друзья, чаютъ, что онъ, патріархъ, обо всякихъ вѣдомостяхъ имѣетъ съ тобою, государемъ, пересылки, и для того подозрѣнія онъ, патріархъ, и къ церкви Божіей не ходитъ притворяясь, будто въ ногахъ у него подагра, однакожъ ко мнѣ приказывалъ, что учнетъ онъ о вѣдомостяхъ со мною пересылатца, какъ возможно. А живетъ де онъ въ Царѣградѣ для того: ожидаетъ того: укажешь-ли ты великій государь говорить туркомъ о Гробѣ Господни, чтобъ они грекомъ отдали; и я, рабъ твой, приказывалъ тайно къ нему, что буду я о томъ говорить, какъ мнѣ твой великаго государя указъ повелѣваетъ“⁹⁵).

И такъ Досиѣей, долженствовавшій, по мысли нашего правительства, быть совѣтникомъ нашего посла, отказался лично съ нимъ видѣться и даже запретилъ ему, изъ опасе-

нія предъ турками, подозрѣвавшими его въ сношеніяхъ съ Москвою, обращаться къ нему съ какими либо присылками, однако же общалъ, какъ только будетъ возможно сообщать послу разныя нужныя для него вѣсти. И Досиѣей сдержалъ свое обѣщаніе. Во все время пребыванія Украинцева въ Турціи Досиѣей присылалъ ему всевозможныя свѣдѣнія, какія только, по его мнѣнію, были полезны и нужны для посла, или же обстоятельно отвѣчалъ на тѣ запросы, съ какими обращался къ нему самъ посолъ. Какъ обстоятельны, важны и разнообразны были свѣдѣнія, доставляемыя Досиѣемъ нашему послу, можно судить по слѣдующему примѣру: 13 октября 1699 года, рассказываетъ „Статейный списокъ“ Украинцева, Досиѣей тайно прислалъ ему такой отвѣтъ „на его Емельяновъ письменный вопросъ“: „что не пускаютъ (Украинцева) видѣться съ послами нѣкоторые (т. е. турки) до времени: такъ (таково) есть обыкновеніе у тѣхъ, у которыхъ еще миръ не совершенъ, а причина сему: чтобъ не воспріяли свѣта къ подлиннѣйшему разумнѣю дѣлу ихъ.—Караванъ обрѣтается на Бѣломъ морѣ, генералъ котораго и капитанъ (пашею называютъ) именуется Мевзамортъ, есть родомъ сербянинъ, отецъ его потурченинъ. Царь его имѣетъ въ великой чести за искусство его въ воинскихъ дѣлахъ, понеже есть остроумень и воспитавъ изъ дѣтства на морѣ.—На корабляхъ ихъ обрѣтается пушекъ: на иныхъ по тридцати, на иныхъ по сороку, а на иныхъ по шестидесять, суть на которыхъ обрѣтаются и по осмидесять. На галерахъ салтанскихъ обрѣтается по четыре пушки, а на бейскихъ по шести—суть и пушечки на вертлугахъ. Пушки корабельныя суть ординарныя, какъ и на христіанскихъ корабляхъ, однакожъ нѣкоторые суть превеликіе, такіе, какихъ и на воинскихъ христіанскихъ корабляхъ не обрѣтается. На воинскихъ корабляхъ людей и по 400, и по 500, и по 600, и по 800 смотря по кораблю обрѣтается. На каторгахъ царскихъ по одному и по два чюрбачеевъ обрѣтается съ людьми ихъ, а на бейскихъ есть на нѣкоторыхъ по осмидесять, а на нѣкоторыхъ и по стѣ левентовъ. Кораблей или каторгъ и иныхъ суденъ воинскихъ не дѣлаютъ, потому что имѣютъ довольно, понеже имѣютъ въ пристани приволочены,

⁹⁴) Тур дѣла 1699 г. св. 24 № 6.

⁹⁵) Ibid. № 7, л. 107 об.—108.

которыхъ обрѣтается со сто. А сколько имѣли въ Азовѣ и на Бѣломъ морѣ, которые всѣ фуркаты и подобныя имъ,— обрѣтается ихъ со сто пятьдесятъ, каторгъ обрѣтается 30, кораблей 36, а корабли и галеры дѣлають мастера греки и турки, а наипаче большая часть суть полоняники. — Ни на игумна (т. е. султана), ни на дьякона ево (т. е. визиря) не имѣють нынѣ никакіе вражды, и хотя народъ негодуеть на нихъ за мѣста, которые отдали христіанамъ и учинили миръ, однакожъ не смѣють имъ ничего говорить. Въ деньгахъ имѣють превеликую скудость, потому причина та, что отдали столько мѣстъ христіанамъ и учинили миръ, и не иная причина тому, токмо что денегъ не имѣли на расходъ; деньги собирають съ податей и съ иныхъ, которые имѣють уреченные, и емлють по вся годы. Съ персами войны не имѣють, но наипаче миръ превеликій, однакожъ тамо всѣ, въ Вавилонѣ, суть нѣкоторые арапы измѣнники, суть и турки нѣкоторые съ ними имѣють обачесій (?) (турки) паши, которые есть тамо всѣ сосѣди опредѣленные и бьются съ ними. Янычаны суть разсѣяны въ отчинахъ своихъ, однакожъ сколько ихъ здѣ въ Царѣградѣ—сберетца съ десять тысячъ; также и конница въ отчинахъ своихъ разсѣяна, и когда ихъ позовутъ, будетъ конницы съ шесть тысячъ; янычанъ, когда сберетца, есть съ 20 тысячъ, а больше никогда не могутъ быть, конницы бываеть и 10,000; а когда имѣють войну, могутъ поставить воинскихъ людей сто и стодвадцать тысячъ и больше, токмо денегъ не имѣють. Жалованье янычарское во вся три мѣсяца по 400 мѣшковъ, сирѣчь 200,000 левковъ, но понеже ихъ здѣсь нѣтъ и суть разсѣяны, якоже выше помянули есмы, даютъ на три мѣсяца когда по сту петидесятъ и когда по двѣсти мѣшковъ, и овогда больше и овогда меньше, потому что на всякіе три мѣсяца чинятъ переписку, понеже призываютъ ода-башей и спрашиваютъ ихъ сколько янычанъ обрѣтается въ Царѣградѣ, и тѣмъ, которыхъ найдутъ здѣсь, токмо даютъ, а не инымъ, однакожъ на службѣ всегда даетца жалованье, понеже всѣ янычане притомъ обрѣтаются. Конницѣ жалованье во вся три мѣсяца есть по двѣсти мѣшковъ, когда есть собраны.—Татаръ имѣли въ чести и дружбѣ великой, понеже ихъ потребовали, однакожъ отъ нынѣшняго

числа какъ стануть ихъ имѣть, не знаемъ.—О москвичахъ чають, что имѣють много войска, а не очюнь шрядны, какъ нѣмецкіе. О воинскихъ дѣлахъ и изготовленіяхъ московскаго царя слышать, что имѣеть много, однакожъ иному вѣрять, а иному не вѣрять. О караванѣ московскомъ говорятъ они, яко понеже венецыяны, которыя суть въ войнѣ искуснѣйшія, не могли пригоровитца, а москвичи и наипаче, и что противъ кораблей ихъ турскихъ нѣкоторое государство нестойтъ. О кораблѣ московскомъ, который пришелъ сюда, зѣло имъ за зло показалоса, того ради и на капычи пашу, которой ѣздилъ по московскаго посла, негодовали, что ненаговорилъ посла ѣхать сухимъ путемъ, но пустилъ его итить моремъ и далъ познавать пути. Еще сей корабль, который пришелъ сюды, увѣрилъ ихъ, что сколько кораблей имѣють москвичи и могутъ ввести въ морѣ. Аще познають они, что спустился караванъ московской и какъ услышатъ, гдѣ онъ, тамъ пошлютъ и свой, и гдѣ случитца, тамъ будетъ битца. Однакожъ опасаются турки, чтобъ не вышло каюковъ на морѣ много и не пошли бы въ рѣзные мѣста Чернаго моря восточныя и западныя загоны, и будетъ отъ того причина, что не будутъ приходить въ Царѣградъ хлѣбныя запасы, и будутъ препону имѣть службы ихъ восточныя и западныя и иные великіе и многіе и нечаянные зла могутъ случитися отъ сего туркамъ, а наипаче смущенія и мятежи и трудности вовсячинѣ.— Не чають они быть нигдѣ себя слабыми, но надѣютца, что на морскомъ и на сухомъ путяхъ суть сильны. Гдѣ знаютъ они, что будетъ война, и опасаютца подлинно, гдѣ услышатъ и есть собраніе, тамо текутъ битца; а буде гдѣ учинитца какое раздѣленіе войска, чтобъ быть индѣ сбору на сухомъ пути, а индѣ каравану, индѣ каюкамъ, тогда конечно трудность слѣдуетъ.—Миръ съ венецыянами и съ нѣмцами есть подлинный, несумнительной.—На Бѣлое морѣ выходитъ на всякій годъ караванъ ради разбойниковъ, которые пріѣзжаютъ изъ Италіи и докучаютъ островамъ, также и караблямъ, которые ходятъ изъ Египта и изъ иныхъ мѣстъ и для сбора и гарача съ христіанъ, которые живутъ на островахъ.—Съ венецыянами миръ хранить будутъ, пока мѣста сильны будутъ, обаче когда возмогутъ, его нару-

рушать, съ которыми прежде всѣхъ христіанъ нарушать миръ, понеже зѣло имъ досадно, что тѣ у нихъ взяли Морею, которое сіе и сами венеціане знаютъ. Съ москвичами конечно желаютъ и хотятъ учинить миръ, однакожъ на какихъ статьяхъ и договорахъ,—не знаемъ, и когда будутъ разговоръ чинить съ посломъ московскимъ, тогда явитца. Однакожъ турки, что аще ли билися съ четырьмя, сирѣчь, съ нѣмцами, поляками, венеціанами и москвичами и противъ всѣхъ стояли, и нынѣ, буде стануть битца съ однимъ, зѣло удобно будетъ противитца.—Въ пушкахъ большихъ сколько онъ ядро бываетъ во всякой и сколько онъ пороху,—нынѣ о св. Димитріи придетъ караванъ и писарь капитанскій есть христіанинъ и разумный и тогда спознаетъ о томъ подробно⁹⁶⁾. Или, напримѣръ, рассказываетъ «Статейный списокъ» Украинцева: приказывалъ къ намъ онъ же патріархъ: что призывалъ онъ къ себѣ переводчика Мевзомортова капитанъ-паши, добраго и благоговѣйнаго мужа, и истязывалъ его и извѣстился отъ него, что до сего числа никакого намѣренія нѣтъ у турковъ, чтобъ итти кораблямъ салтанскимъ на Черное морѣ; а пять кораблей посылаютъ нынѣ въ Александрію съ тѣми припасы, какъ онъ (патріархъ) о томъ къ намъ напередъ сего приказывалъ. А на Евфратѣ де рѣкъ сдѣлано 70 шаякъ, на которые шайки посылаютъ нынѣ на тѣхъ же корабляхъ 70 капитановъ и по 30 человекъ на всякую шайку искусныхъ воиновъ, а больше еще позоветъ потреба воиновъ, и тѣхъ велѣно взять изъ тамошнихъ людей⁹⁷⁾.

Какъ важны были для Украинцева свѣдѣнія, сообщаемыя ему Досиоемъ, видно изъ слѣдующаго: „октября въ 22 день, пишешь Украинцевъ, были мы у святѣйшихъ царь-городскаго Калинника, а въ 29 день у іеросалимскаго Досиоея патріарховъ, и спрашивали ихъ отъ великаго государя о спасеніи, а о дѣлехъ они съ нами тогда ничего не говорили, потому что опасаютца турковъ. Да и мы ихъ въ томъ поберегли,

⁹⁶⁾ Ibid. лл. 100—113.

⁹⁷⁾ Ibid. л. 431. Подобнаго рода свѣдѣнія Досиоей доставлялъ посламъ много разъ, см. лл. 164—169, 170—177, 179, 426—428 и др.

чтобъ не навесить на нихъ отъ турковъ никакого подозрѣнія, потому что турки зѣло того стерегутъ, чтобъ никто къ намъ не ходилъ и не о чемъ не разговаривалъ, и для того приставъ и чюрбачей и чауши и яныче живутъ у насъ на дворѣ безотходно и караулъ къ намъ приставленъ крѣпкой, и дворъ намъ данъ отъ христіанскихъ жилищъ далеко и въ самомъ плохомъ переулкѣ къ Бѣлому морю, и съ чужеземными послами и разныхъ государствъ всякихъ чиновъ съ людьми видатца намъ запрещаютъ, хотя мы о томъ и выговариваемъ имъ и двора у нихъ просимъ инога, который бы былъ близокъ къ Галатѣ, гдѣ живутъ іеросалимскій патріархъ и чужеземскіе послы разныхъ государствъ и иноземцы, и они въ томъ намъ отказываютъ и отговариваютца непристойными отговорами⁹⁸⁾. Очевидно нашъ посолъ жилъ въ Константинополѣ какъ бы подъ арестомъ, не имѣя возможности ни съ кѣмъ видиться и говорить и потому совсѣмъ не зналъ, что дѣлается вокругъ его. Въ этомъ случаи тѣ разнообразныя и обстоятельныя свѣдѣнія, какія обо всемъ доставлялъ ему Досиоей, были для него въ высшей степени важны, такъ какъ давали ему возможность знать современное положеніе дѣлъ въ Турціи и сообразно съ этимъ такъ или иначе вести переговоры съ турками.

Досиоей не только доставлялъ посланникамъ тѣ или другія свѣдѣнія, но и давалъ совѣты какъ имъ слѣдуетъ вести дѣла съ турками, дѣлалъ имъ при случаѣ предостереженія, разрѣшалъ ихъ недоумѣнія и вообще являлся во многихъ случаяхъ ихъ совѣтчикомъ и руководителемъ. „Іеросалимскій патріархъ, въ то время какъ мы у него были (29 окт. 1699 г.), рассказываетъ Украинцевъ, говорилъ намъ тихо, чтобъ мы съ салтановымъ тайныхъ дѣлъ съ секретаремъ съ Александромъ Маврокордатомъ поступали ласково, а истины ему не открывали и ни въ чемъ на него не полагались, потому что онъ во всемъ вѣрной слугитель турскому государству. И мы ему за то благодарствовали и сказали, что будемъ въ томъ остерегатца и поступать какъ насъ Господь Богъ наставитъ“.— „Марта въ 20 день (1700 г.), сообщаетъ Украинцевъ, при-

⁹⁸⁾ Ibid. л. 146.

казывалъ къ намъ іеросалимскій патріархъ, чтобъ мы въ дѣлѣ мирномъ отъ каварства и лукавства турскаго зѣло остерегались, потому что то у нихъ древняя наука, что при договорехъ мирныхъ съ договаривающеюся страной о миру поступать лукаво и коварно. А о семъ, что продолжаютъ они время (т. е. затягиваютъ переговоры, на что послы жаловались Досиею), разные люди разные говорятъ рѣчи. А нѣкоторой де ага визирской сказывалъ ему, патріарху, что будто ожидаютъ они прїѣзду польскаго посла потому: слышать-де они, что будто есть нѣкоторая рознь между царскимъ величествомъ и королемъ польскимъ, и намѣреваютъ съ тѣмъ посломъ польскимъ говорить, либо возмогутъ причинить войну между ими поляками и царскимъ величествомъ и такъ, чтобъ мы, видя ихъ соединенныхъ съ поляками, купно и съ татарами, убоялися и учинили миръ, какъ они желаютъ, и говорить. что будто того ради и хану приказали, чтобъ онъ поволѣлъ жить буджацкимъ татарамъ въ старыхъ ихъ мѣстехъ,—и сіе разные люди говорятъ и мыслятъ“⁹⁹). 15 іюля (1700 г.) посланники были у Досиея и говорили ему: „вчерашняго дня отъ муфтїа были они у галанскаго посла и онъ принялъ ихъ съ честїю, только-де какъ онъ такъ и англійской сѣтуютъ о томъ, что въ нынѣшнее мирное дѣло они не допущены и никакого въ томъ дѣлѣ царскому величеству вспоможенїа не учинили. И патріархъ говорилъ: по истиннѣ-де тѣ послы англійской и голанской царскому величеству недоброхоты и надѣетца на нихъ никогда ни въ чемъ невозможно. А какіе де слова про царское величество говорилъ, будучи въ Адрианоуполѣ, голанской посолъ, и о томъ скажетъ имъ, посланникомъ, подлинно, есть-ли съ ними увидѣтца, резидентъ мултанскій Энакіи, которой одинъ только между христіанами царскому величеству всякаго добра желаетъ, также и самъ мултанской воевода есть вовсемъ вѣрный и желательный его царскому величеству. И тѣхъ де послоръ мало здѣсь любятъ, для того ихъ въ дѣло царскаго величества недопустили, а въ Карловичахъ по нуждѣ были, понеже сами къ тому назвались; а по отѣздѣ ихъ посла-

ничемъ отсюда совершенно они будутъ въ пренебреженїи;— а польской де посолъ дѣлѣ своихъ ничего здѣсь не сдѣлалъ“¹⁰⁰). Когда посланники собирались возвратиться домой, то турецкое правительство стало просить ихъ, чтобы они оставили въ Константинополѣ кого нибудь изъ членовъ своего посольства. Такъ какъ послы не имѣли на этотъ предметъ никакой инструкціи отъ правительства и къ тому же не понимали цѣли этой небывалой просьбы турокъ, то и обратились къ Досиею съ заявленїемъ, что „желаютъ отъ него, святѣйшаго патріарха, о томъ благаго совѣта, какъ имъ въ томъ поступить“. Досиеей объяснилъ посламъ, почему именно турки желаютъ оставленїа въ Константинополѣ одного изъ членовъ русскаго посольства и посовѣтывалъ имъ исполнить просьбу турокъ. Тогда посланники заявили, что въ виду нужды, „а пачежъ по совѣту его святѣйшаго патріарха оставляютъ въ Константинополѣ одного дворянина (Семена Лаврецкаго) и съ нимъ подъячаго (Григорья) и били челомъ, чтобъ онъ, святѣйшїй патріархъ, во всякихъ нуждахъ и требованїяхъ ево не оставилъ и былъ къ нему милостивъ, якоже къ нимъ посланникомъ“. Досиеей говорилъ посламъ, что „Семену въ желанїяхъ ево всякое вспоможенїе чинить ему будетъ, только де онъ, Семень, въ чемъ ему прилучитца, совѣтывалъ съ нимъ, святѣйшимъ патріархомъ, и поступалъ по ево приказу“. „И посланники сказали, что онъ безъ ево совѣту ничего собою дѣлать не будетъ, и такое ево патріаршеское милостивое обѣщанїе великому государю, его царскому величеству, они, посланники, донесутъ“. Съ своей стороны послы въ инструкціи Лаврецкому говорили: „да ему жъ, Семену и Григорью, провѣдывать о состоянїи и поведенїи здѣшнемъ и о всякихъ вѣдомостяхъ и, провѣдавъ подлинно, къ великому государю писать къ Москвѣ въ государственной Посольской приказъ, и тѣ свои письма, для посылкѣ къ Москвѣ, относить и отдавать тайно святѣйшему Досиею патріарху іеросалимскому“¹⁰¹).

Черезъ кого и какъ велись тайные обсылки между нашими

⁹⁹) Ibid. л. л. 146 об., 431.

¹⁰⁰) Турецкіе статейные списки № 27, л. 1184.

¹⁰¹) Ibid. л. л. 1233—1234, 1255 об.

послами и Досиеемъ, это видно изъ слѣдующей записки константинопольскихъ расходовъ посла Украинцева: „октября въ 27 день святѣйшаго іеросалимскаго патріарха архимандриту Макарію на милостыню и что присылалъ ево святѣйшій патріархъ съ письмомъ о разныхъ вѣдомостяхъ, о которыхъ довелось къ великому государю писать къ Москвѣ, дана пара собoley двухсотъ рублеваго сорока. Да сербянину старцу Григорію, который присланъ былъ отъ него, святѣйшаго патріарха, къ посланникомъ со всякими жъ вѣдомостями по часту, дана пара собoley двухсотъ рублеваго жъ сорока.— Октября въ 28 день ко святѣйшему Досиею патріарху іеросалимскому великаго государя жалованья на милостыню и чтобъ въ дѣлехъ великаго государя чинилъ онъ посланникомъ вспоможеніе и подавалъ пристойные свои совѣты и всякія увѣдомленія, послано съ переводчикомъ, съ Андреемъ Ботвинкинымъ, да подъячимъ Лаврентьемъ Протопоповымъ, сорокъ собoley въ 300 рублей, да два косяка камки лаудану, мѣхъ бѣлій 5 рублей съ половиною. Ноября въ 28 день ко святѣйшему іеросалимскому Досиею патріарху съ переводчикомъ Андреемъ Ботвинкинымъ за вѣдомости послано жъ двѣ пары собoley: одна въ 40, другая въ 30 рублей. Племянникомъ ево патріаршимъ, архимандритамъ Неофиту и Нектарію, на милостыню и за всякія радѣнія и вспоможенія и за вѣдомости посланникомъ въ дѣлехъ царскаго величества дяди ихъ, святѣйшаго іеросалимскаго патріарха, дано по парѣ собoley: Неофиту въ 25 рублей, Нектарію въ 20 рублей. Юня 22 „мултанскаго господара резиденту Енакію гречанину, по приказу святѣйшаго патріарха іеросалимскаго, за вѣдомости, которыя онъ доносилъ ему, патріарху, а онъ, святѣйшій патріархъ, давалъ о томъ вѣдать посланникомъ, дано три пары собoley трехсотъ рублеваго сорока. Ноября въ 11 день сербянину іеромонаху Григорію за вѣдомости дано 10 левковъ. Ноября въ 28 день іеромонаху Григорію сербянину, съ которымъ присылалъ къ посланникомъ іеросалимскій патріархъ о вѣдомостяхъ письма, да и для того, что онъ по вся дни приходитъ къ посланникомъ на дворъ отъ патріарха для провѣдыванія, дано 6 левковъ. Генваря въ 29 день гречанину Маркѣ Христофорову, присланному тайно съ вѣдомостями

отъ святѣйшаго іеросалимскаго Досиея патріарха, дано 2 левка, потому что къ старцу Григорію сербянину учили было турки признаватца, что онъ приходитъ къ посланникомъ по часту и чтобъ ево не поймали, и того ради патріархъ того гречанина и прислалъ тайно. Февраля въ 23 день іеросалимскаго патріарха человѣку Аѳонкѣ гречанину, котораго присылалъ къ посланникомъ съ вѣдомостями, дано 2 левка¹⁰²).

Предъ отъѣздомъ Украинцева изъ Константинополя Досиеей лично посѣтилъ посла и поручилъ ему словесно передать государю относительно Азова слѣдующее: „есть-ли де изволить великій государь, его царское величество, городъ Азовъ и къ нему прилежащія старыя и новыя городки держать, то ненадобно ихъ пометывать, но всегда имѣть во осмотрѣніи и во всякомъ призрѣніи, чтобъ въ нихъ воеводы и начальныя люди были разумны, а ратныя люди добрыя и смѣлыя. И непріятель на то смотря не такъ будетъ въ мысли своей распространяться, хотя онъ отъ нихъ никакія опасности имѣти не будетъ, но и намѣренія своего воинскаго подѣ тѣ города имѣти не будетъ же, разсуждая то, что тѣ города во всякой оборонѣ, и есть ли ему подѣ нихъ итти, и ему ихъ не взять, только съ убыткомъ возвратитца. А есть-ли тѣ города въ крѣпости и во оборонѣ будутъ слабы, и непріятель всегда имѣти будетъ тщаніе и неусыпное радѣніе о воинскомъ надѣ ними промыслу, а на то де нечего смотрѣть или обнадеживаться, что съ ними учинены будутъ мирныя договоры, понеже онъ древній вѣроломный и лукавый христіанскій непріятель. А если когда царское величество изволить начать съ нимъ войну, и тогда надобно прежде взять Очаковъ — лѣвый рогъ, а правый рогъ былъ Таганъ-рогъ, а взявъ Очаковъ, то надобно Крымъ взять, а взявши Крымъ, то будетъ дорога на Черное морѣ свободно и тогда пристануть сербы, и волохи, и мултяны, и болгары, а не взявъ Очакова и Крыму, турковъ на морѣ воевать трудно, понеже татарова въ томъ чинить будутъ препону, да и оныя народы для той же опасности вспоможенія чинить не будутъ. А къ тому де воинскому поведенію надобны морскіе мелкіе многіе суды,

¹⁰²) Ibid. лл. 1296, 1297 об., 1302, 1312 об., 1313, 1322, 1324 об.

которые великій страх могутъ здѣсь учинить, нежели корабли, и тѣхъ кораблей турки такъ не боятца, какъ мелкихъ судовъ, потому что тѣ мелкіе суды могутъ по всему Черному морю во всѣ стороны разсѣяться и жилищамъ бусурманскимъ чинить огонь и мечемъ разореніе и плѣненіе.—И посланники говорили, что тѣ мелкіе суды на морѣ одержимы боятся страхомъ отъ галеръ.—И патріархъ говорилъ, что у царскаго величества галеры есть же. Потомъ святѣйшій патріархъ говорилъ, чтобъ о состояніи нынѣшнихъ мирныхъ договоровъ дать знать мултанскому воеводѣ, понеже онъ истинный есть христіанинъ и царскому величеству вѣрный слуга и всякаго добра желатель¹⁰³).

Вмѣстѣ съ послами Досиеей отправилъ въ Москву къ государю свои грамоты, въ которыхъ онъ дѣлаетъ свои отзывы о послѣ, указываетъ на свои услуги послу, на свое самоотверженное служеніе интересамъ русскаго правительства, на то обстоятельство, что если послу удавалось улаживать съ турками тѣ или другія спорныя дѣла къ выгудѣ и чести русскаго государя и государства, то это во многомъ было и дѣломъ его, Досиеея. Именно о константинопольской дѣятельности Украинцева Досиеей пишетъ государю: сказавъ, что современные турки, будучи людьми непотребнѣйшими, ничтожными, неимѣющими ратныхъ людей и ничего готоваго къ войнѣ, прикрываютъ безсиліе и бѣдность свою „лестями, пронырства, величаніями и гордостью“, Досиеей пишетъ: „но добрый министръ и разумный провитель сей, посланникъ божественнѣйшія вашей державы (Украинцевъ), либо и отъ иныхъ нѣкихъ, но наипаче отъ насъ, приostro увѣдавъ абіе дѣла и состояніе яко суть настоящихъ (т.-е. турокъ), стоялъ крѣпокъ и твердъ во всѣхъ статьяхъ, якоже нѣкій левъ юный“, благодаря чему турки, измышлявшіе великія коварства, были имъ побѣждены, „такъ что нетокмо сами владѣтели (турки), но и послы, которые суть здѣсь, удивились разуму его“. При этомъ Досиеей замѣчаетъ: „обаче имѣлъ (посоль), яко же речеса, и насъ во всемъ способника, такъ что всякую бѣду и самую смерть пренебрегли есмы, токмо да Богомъ вѣн-

чанной вашей державѣ, елико можемъ, послужимъ, яко же самъ сей вельможный посланникъ, другъ сый истины, сотворить доношеніе Богомъ хранимой вашей державѣ“. Далѣе Досиеей пишетъ объ успѣшной дѣятельности русскаго посла: „мудрецы нѣмецкіе, венецкіе и польскіе хваляся риторикою Демостеновою и книгами діалектики Аристотелевой: въ Карловичѣ, когда мирные договоры довершали съ здѣшними, чаяли, что все добре расположили, однако жъ обманулись во многихъ отъ сихъ; того ради живутъ здѣ, не могуще еще разсудити своя дѣла, а ляхъ и неисправленъ возвратился, ничего бо не учинилось, для которыхъ дѣлъ пріѣхаль, зане ни ногайцы изъ мѣстъ своихъ не вышли, ниже полоненныхъ ляховъ, по учиненіи мира, у татаръ взяли, которые были въ Каменцѣ. А вашего божественнаго величества посланники, увѣдавъ и отъ насъ и таковая здѣшнія лукавства, и уповавъ на милость въ Троицѣ Бога и на свойство къ святой Троицѣ богопочтенныя вашей державы, подвизались разумно и осмотрительно, и тако угодная безъ всякаго погрѣшенія договорись и написали. Потомъ здѣсь ляхи и нѣмцы много чинили, и послы сами и многіе будучи съ ними люди, недостойныхъ дѣлъ и безстудныхъ, а вашего божественнаго величества посланникъ былъ въ домѣ своемъ яко пустынный, имѣя домъ яко нѣкую святую обитель, упражняся съ при немъ будучими людьми въ молитвахъ и постѣ, и товарищество его тако устроилось отъ него жити, яко боголюбезнѣйшіе и разумнѣйшіе люди, такъ что нетокмо нечестивые и еретики, но и самъ великій султанъ похвалилъ и удивился житію и пребыванію вашего царствія людей, удивляяся наипаче пославшему, яко отъ ноктей льва признавъ; а здѣшнихъ православныхъ священство же и все состояніе людское елику честь воспріали и елико молитвъ къ Богу сотворили и творять о вашей богохранимой превеликой державѣ, невозможно писанію предати“¹⁰⁴).

Такимъ образомъ Досиеей не только всячески и ревностно служилъ, „пренебрегая, по его собственному выраженію, всякую бѣдою и самою смертію“ нашему турецкому послу, но какъ официально признанный нашимъ правительствомъ

¹⁰³) Ibid. лл. 1198—1199.

¹⁰⁴) Приложенія № 5.

совѣтчикъ и руководитель посла, даетъ еще о его константинопольской дѣятельности письменный отчетъ царю.

Чрезвычайныя услуги Досиеея послу Украинцеву были по достоинству оцѣнены царемъ. Такъ какъ Досиеей, пославъ къ государю свои грамоты съ Украинцевымъ, вслѣдъ затѣмъ, въ томъ же 1700 году, отправилъ въ Москву своего племянника архимандрита Хрисанеа, то государь, воспользовавшись этимъ случаемъ, послалъ ему съ Хрисанеомъ особую благодарственную грамоту, въ которой писалъ: „къ намъ великому государю, нашему царскому величеству, писали вы, отецъ нашъ и богомолецъ, святѣйшій и всеблаженнѣйшій патріархъ, съ нашимъ царскаго величества посланникомъ з' думнымъ совѣтникомъ съ Емельяномъ Игнатьевичемъ Украинцевымъ, да съ архимандритомъ своимъ Хрисанеомъ, ис' которыхъ писаней вашихъ выразумѣли есмы предложеніе ваше о разныхъ дѣлехъ и увѣщаніе духовное, мудро изображенное, и архипастырскою вашею молитвою и благословеніемъ исполненное. И мы великій государь, наше царское величество, святѣйшему и всеблаженнѣйшему крайнему архипастырю, за толикое и душеполезное посѣщеніе и увѣщеваніе сыновне благодарствуемъ и впредь желаемъ, дабы всегда благоугодныя молитвы ваши о насъ были не прекращены“¹⁰⁶⁾.

Въ 1701 году въ Турцію, для окончательнаго утвержденія мира, заключеннаго съ турками Украинцевымъ, отправленъ былъ посоль князь Дмитрій Голицынъ. Въ наказѣ послу было сказано: „и видатца ему (послу) съ нимъ патріархомъ (Досиеемъ) почасту и о всѣхъ великаго государя дѣлехъ съ нимъ совѣтывать и провѣдать у него подлинно: поставленные мирные договоры съ великимъ государемъ, съ его царскимъ величествомъ, салтанъ турецкой содержать хочеть-ли и въ дружбѣ и любви съ его царскимъ величествомъ быть желаетъ-ли и не мыслить-ли чево къ нарушенію тѣмъ мирнымъ договоромъ?“ Голицыну сверхъ обычныхъ даны были еще и особые указы. Въ одномъ изъ нихъ сказано: „ему жъ (послу), будучи въ Константинополь, имѣть со святѣйшимъ іерусалимскимъ Досиеемъ патріархомъ тайные обсылки, и о всякихъ дѣлехъ

съ нимъ разговаривать, и о вѣдомостяхъ спрашивать, и отдать ему явно великаго государя жалованье (150 р.), которое послано съ нимъ къ нему патріарху и грамоту. А что съ нимъ, княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ, послана особая дача ему, святѣйшему патріарху, на тысячу рублей мягкой рухляди, и тое дачу отдать ему тайно, чтобъ никто объ ней не вѣдалъ, подъ опасеніемъ себѣ великаго государя гнѣву“¹⁰⁶⁾.

Съ своей стороны государь послалъ отъ себя къ Досиею особую грамоту, въ которой писалъ: „мы блаженство ваше имѣемъ паче протчихъ всѣхъ о Христѣ возлюбленнаго отца и пастыря и великодушнаго мужа, и тѣмъ паки призываемъ блаженство ваше, дабы какъ прежде сего въ богоугодныхъ молитвахъ своихъ насъ никогда запомнилъ, и въ дѣлахъ нашихъ приключавшихся всегда пособника имѣли есмы; такъ и нынѣ потому жъ отъ блаженства вашего желаемъ, яко отъ возлюбленнаго отца и пастыря, яко да во всякихъ дѣлехъ нашихъ, покаместъ нашъ великій посоль (кн. Голицынъ) въ тѣхъ краяхъ пребудеть, былъ бы ему блаженство ваше совѣтникъ истинный, а мы великій государь, наше царское величество, къ тебѣ, возлюбленному отцу и пастырю нашему, поелико возможно нетокмо словомъ, но и дѣломъ и во всѣхъ богопроходимыхъ мѣстахъ святыхъ склонны есмы щедрою рукою способляти, токмо и блаженство ваше, какъ и прежде сего, всегда честными грамотами своими насъ посѣщать благоволиши и молитвою не оставляй“¹⁰⁷⁾.

Съ прибытіемъ кн. Голицына въ Турцію, Досиеей немедленно вступаетъ съ нимъ въ постоянныя близкія сношенія и сообщаетъ ему, какъ ранѣе Украинцеву, разныя свѣдѣнія. Такъ, на примѣръ, онъ пишетъ Голицыну: „турки корабли, которые имѣли, тѣжъ и имѣютъ, ничего больше не учинили, указали дѣлать четыре, но не совершаютъ въ три года, а изъ тѣхъ, что имѣли, подарили четыре арапомъ маргицкимъ. — Никакого приготовленія военнаго не имѣютъ, ниже хотятъ, ниже желаютъ воеватца съ кѣмъ. — Пришли изъ Италіи мяѣ

¹⁰⁶⁾ Турецкія дѣла 1700—1702 г., св. 1, № 5.

¹⁰⁷⁾ Эта грамота государя Досиею напечатана въ нашей книгѣ: Характеръ Рос. къ прав. востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, прилож., стр. 43.

¹⁰⁵⁾ Греческія дѣла 1701 г., № 2.

новые вѣдомости мартовскія и говорятъ, что съ одной стороны французъ и новой король гишпанской и князь савойской, а съ другую сторону нѣмчинъ, агличаня и голандцы готовились на войну, и по се число либо и начали. Французъ денегъ не имѣеть и просилъ, чтобъ взять доходы церковныя взаимъ, а духовные ему отказали, потомъ просилъ взять хотя треть и паки не давали, и не вѣдаемъ, что сдѣлалъ. Франки, которые приѣзжаютъ сюда съ дѣлами, дѣлають много зла, и еще напиваются и убиваютъ людей, и ходятъ по туркениамъ и бладуютъ, и нѣмецкой нынѣшній посоль, котораго имѣли въ толикой чести, посрамленъ отъ сихъ дѣлъ. — Воевода волоской писалъ людемъ своимъ, которые суть здѣсь у порты, чтобъ пришли и просили у васъ писемъ, чтобъ посылать къ божественному величеству, а чтобъ они то объявили у порты. И даемъ сіе знать, что воевода сей волоской есть турчинъ по намѣренію, и посылаетъ тамо людей съ причиною, а намѣреніе его: чтобъ вывѣдалъ все и писалъ сюда. Сего ради нетокмо писемъ не посылайте когда, но и Мазепѣ пишете, чтобъ приказалъ въ странѣ своей не пускать сего воеводы людей ѣздить туда ни по поковому способу. — Посланъ указъ государямъ мултанскому и волоскому и къ туркамъ подунайскимъ, чтобъ шли къ хану и проводили его мимо Очакова въ Крымъ: причина есть, что хана большая часть татаръ покинули и побѣжали и опасаютца итти мимо Очакова отъ брата своего. Однакожъ третьяго дня послали гонца съ повелѣніемъ таковымъ, чтобъ поспѣлъ къ хану въ четыре дни и паки бѣ въ четыре дни приѣхалъ, чтобъ привезъ вѣдомость чистую и либо, чтобъ спросили ногайцевъ на украинѣ, приняли-ль ихъ, или отогнали... Чрезвычайный посоль венецкой пятаго мѣсяца мая исправилъ съ портою подобающія статьи и присяги всѣ на вѣчный миръ, только осталась размѣна полоняничная. Рѣчь посполитая венецкая возбраняетъ нѣмцамъ пройти во Италію въ сроокѣ тысячахъ войскъ, однакожъ нѣмцы хотять пройти силою военною. Нѣмцы съ портою держатъ сердечную и крѣпкую дружбу и въ Вѣнѣ выбранъ къ портѣ чрезвычайной посоль и поѣдетъ въ первыхъ числахъ мая. Турки получили великую побѣду противъ араповъ. Вавилонъ отбили и Батру со мно-

гими городами. — Приѣздъ твой (Голицына) зѣло угоденъ великимъ и малымъ, однакожъ чають, что еще вамъ случатся какіе споры, будьте въ томъ тверды. Здѣсь никакого наряду военнаго нѣтъ, только 200 пушекъ новыхъ вылили и зачали строить 3 корабля великихъ, а здѣшніе корабли испорчены многіе, а иные проданы и то есть знакъ добрый Чернымъ моремъ; казна здѣсь зѣло скудная¹⁰⁸⁾.

Князю Голицыну, также какъ и Украинцеву, Досиеей давалъ совѣты какъ ему слѣдуетъ вести переговоры съ турками, въ томъ или другомъ затруднительномъ случаѣ. Такъ, напри- мѣръ, Досиеей пишетъ Голицыну: о „ногайцахъ ваша любовь предобро и премудро отвѣщевалъ, что невозможно быть лучше. И паки какъ изволите, какъ стануть говорить, паки намъ кажется пристойно также отвѣщать и не склонитесь ни на лѣво ни на право, и не извольте объ нихъ писать, потому что избавитесь отъ трудовъ и многихъ иныхъ трудностей, а приѣздъ твой у визиря зѣло израденъ и принять ты былъ съ любовію“¹⁰⁹⁾. Или, напри- мѣръ, Голицынъ въ своемъ статейномъ спискѣ рассказываетъ: „августа въ 20 день писалъ святѣйшій патриархъ іеросалимскій къ великому послу, чтобъ онъ, посоль, впредь о торговлѣ чрезъ Черное морѣ больши не говорилъ для многихъ причинъ, и въ томъ писъмѣ объявилъ ему, послу, что хочеть самъ устно сказать. И посоль съ святѣйшимъ патриархомъ видѣлся и ему послу говорилъ, чтобъ онъ больше о торговлѣ не говорилъ, а естели станешъ говорить, то всеконечно миръ испортишь и турковъ приведешъ въ сумнѣніе и стануть готовить войну противъ государя твоего. И намѣреніе у турковъ есть подлинно и хотять подлинно изъ Азовскаго моря въ Черное морѣ ходъ пересыпать и на томъ мѣстѣ сдѣлать крѣпости многія, чтобъ судовъ московскихъ не пропустить на Черное море. А мы слышимъ, что у великаго государя флотъ сдѣланъ великой и впредь дѣлается, и о томъ у Бога всегда просимъ милости, чтобъ Господь Богъ научилъ и вразумилъ благочестивѣйшаго всѣхъ насъ православныхъ христіанъ государя, царя Петра

¹⁰⁸⁾ Турецкія дѣла 1700—1702 г., св. 1, № 5.

¹⁰⁹⁾ Ibid.

Алексѣевича, тѣмъ флотомъ своимъ избавилъ насъ всѣхъ христіанъ изъ плѣненія бусурманскаго, и надежда наша только, во избавленіи своемъ, на него великаго государя. А турки зѣло того флота опасаютца, и для той причины неизволь для Бога говорить, а если станешь говорить, то всеконечно засыплють ходъ и въ томъ надежда наша будетъ помрачена, а наше избавленіе не можетъ ни чрезъ что быть, токмо чрезъ Черное море. А коли засыпанъ будетъ ходъ, хотябъ сто тысячъ надѣлано было у великаго государя судовъ, то не мочно тѣмъ судамъ плаванія по Черному морю чинить, и турки знаютъ, что тотъ флотъ дѣлаетца ни на кого, токмо на нихъ. А станешь говорить, то явно приведешь ихъ въ войну, а если умолчишь и не будешь о томъ говорить, то для нынѣшней войны шведской не такъ имѣть будутъ въ подозрѣніи первыя твои слова. Для Бога прошу, пожалуй не испорть того добраго дѣла, которое впредь хочеть быть христіаномъ въ пользу, не говори о томъ, и Емельянъ (т. е. Украинцевъ) много о томъ домогался и ему въ томъ всеконечно отказано. А хотя и не послушаешь меня и станешь говорить хотя тысячь, то не сдѣлаетца, а турки добровольно не отворятъ ходъ Чернаго моря, развѣ великій государь изволитъ своею волею ходъ Чернаго моря отворить, а не просьбою у турковъ. — И посоль, говорить Голицынъ, впервыхъ вида отъ турковъ чрезъ секретаря Александра Шкарлата совершенной отказъ на предложеніе его посольское и для словъ святѣйшаго патріарха іерусалимскаго, больши не посылалъ о предложеніи своемъ просить отвѣта, опасая гнѣву великаго государя, что сей миръ былъ нарушенъ ¹¹⁰).

При отъѣздѣ посла въ Москву Досифей вручилъ ему двѣ своихъ грамоты къ государю, причемъ о посольской дѣятельности Голицина и о своихъ услугахъ ему, Досифею писалъ Государю: „преславный великій посоль богоевѣнчанной великой вашей державы, господинъ Дмитрей Михайловичъ, въ нужныя дѣла съ нами совѣтывалъ и, какъ насъ Богъ просвѣтилъ, ему совѣтъ подали, и въ какое дѣло у насъ потребовалъ, мы служили ему по силѣ нашей, о которыхъ дѣ-

¹¹⁰) Тур. дѣла, связка 2, № 1.

лехъ и во иной нашей грамотѣ будемъ писати. Однакоже пребывалъ здѣсь преразумно и превеликолѣпно, и во всѣхъ дѣлехъ, что онъ просилъ и говорилъ, истинствовалъ и извѣствовалъ, что пришелъ здѣсь великій посоль превеликаго и преизящнаго самодержца толико, что по истиннѣ нетокмо вельможи, но и самъ султанъ имѣеть его въ похвалу, — въ толико пожилъ зѣло преразумно и славимъ иже въ Троицѣ Бога, который благоволилъ, что всѣ люди вашего богоевѣнчаннаго царствія, которыя посылаются сюды, похваляются и почитаются отъ всякаго рода и языка и отъ самага салтана, якоже рехомъ ¹¹¹).

Получивъ грамоты Досифея, посланныя имъ съ княземъ Голицынымъ, государь немедленно отправилъ къ Досифею свою грамоту, въ которой пишетъ: „двѣ грамоты блаженства вашего съ великимъ нашимъ посломъ съ князь Дмитріемъ Голицынымъ приняли... О дѣлехъ нашихъ, что пишешь, что послу нашему и дѣломъ и словомъ совѣтами вашими елика сила способствовалъ, какъ о томъ и самъ посоль нашъ извѣстилъ намъ, зѣло благодарствуемъ, что блаженство ваше чините зѣло годное, что доведется такія особы превосходительныя равному своему имени, какъ вездѣ блаженство ваше прославляется паче всѣхъ иныхъ архипастырей православныхъ“. Затѣмъ государь извѣщаетъ Досифея, что въ Турцію, въ качествѣ постоянного резидента, посылается особый посоль, Петръ Андреевичъ Толстой, почему и проситъ Досифея совѣтывать и помогать ему во всемъ. „Понеже нынѣ мы, пишетъ царь, великій государь, наше царское величество, разсудили, что для нашихъ великаго государя дѣлъ, которыя належатъ межъ нами, великимъ государемъ, и межъ портою отоманскою, доведетца послати посла нашего, который бы жилъ на нѣсколькое время при той портѣ, какъ и отъ иныхъ христіанскихъ государей тамъ живутъ: се посылаемъ тамо посла нашего, ближняго нашего стольника и намѣстника алаторскаго Петра Андреевича Толстова, которому указали, чтобъ будучи ему тамо, совѣты свои пріобшилъ съ блаженствомъ вашимъ, какъ и прежніе наши послы, будучи тамъ,

¹¹¹) Тур. дѣла, связка 1, № 5.

учинили; а отъ блаженства вашего желаемъ, дабы къ тому послу нашему былъ еси во всякихъ приключаящихся ему дѣлахъ способникъ и словомъ и дѣломъ, елико возможно. И того радъ пространнѣе о томъ на письмѣ отповѣди не пишемъ ко блаженству вашему, понеже указали ему про всякія дѣла наши объявити словесно и совѣтывати объ нихъ, какъ лучше мочно быти и какъ Богъ наставитъ блаженство ваше, такъ и учинити противъ святаго своего прежняго обычая. А мы въ томъ нетоко не сумнѣваемся, но надѣемся, что блаженство ваше тому послу нашему будешь во всѣхъ дѣлахъ совѣтникъ и искренній помощникъ и о дѣлахъ тамошнихъ случающихся желаемъ отъ блаженства вашего, дабы всегда, чрезъ тогоже посла нашего, изволилъ къ намъ писати и объявляти, а у нашего царскаго величества тое радѣніе и прилежаніе къ намъ блаженства вашего зѣло пріятно и незабвенно будетъ“¹¹²⁾.

Когда въ 1702 году Петръ Андреевичъ Толстой отправлялся посломъ въ Турцію, то онъ подалъ въ Посольскій приказъ особья статьи, на которыя требовалъ „указа“. „Желаю вѣдать, писалъ онъ между прочимъ, есть-ли въ тѣхъ странахъ вѣрныи челоувѣкъ, въ которомъ бы мнѣ полагать надежду о тайныхъ дѣлахъ, чтобъ мнѣ имя ево объявлено было? Указъ: Іеросалимскій патріархъ, который прежде всего во многой вѣрности явился, мочно объявлять и совѣтывать, что и по спискомъ съ дѣлъ явилось, которые даны ему (Толстому) прежде бывшихъ посланниковъ“. Въ тайномъ наказѣ Толстому значится: „по патріархѣ іеросалимскомъ, есть-ли иной таковой же желательный челоувѣкъ (окажется), о такихъ чрезъ негожь (Досиоея) провѣдывать и познаватца“. Въ открытой инструкціи Толстому говорилось объ его отношеніяхъ къ Досиоею тоже, что и въ наказѣ послу Голицыну, именно: „видатца ему съ нимъ патріархомъ почасту, и о всѣхъ великаго государя дѣлахъ съ нимъ совѣтывать и провѣдать у него подлинно: поставленные мирные договоры съ великимъ государемъ, съ его царскимъ величествомъ, салтанъ турской содержать хочеть-ли, и въ дружбѣ и любви съ его царскимъ

¹¹²⁾ Наша книга: Характ. отнош. Рос. къ прав. вост., прил. стр. 44

величествомъ быть желаетъ-ли, и не мыслить-ли чево къ нарушенію тѣмъ мирнымъ договоромъ, и провѣдывая о томъ подлинно, къ великому государю писать почасту, какъ возможно, съ нарочными посылщики“¹¹³⁾.

Толстой прибылъ въ Адрианополь 29 августа (1702 г.), когда Досиоей находился въ Унговлахіи. Получивъ здѣсь грамоту царя, приглашавшую его помогать и совѣтывать русскому послу, Досиоей немедленно откликнулся на царскій призывъ и поспѣшилъ написать Толстому письмо, „въ которомъ мы ему пишемъ, доносить Досиоей царю, кого подобаетъ ему вопрошати тамо въ нуждныхъ (дѣлахъ) и еще: какъ мочно ему и нѣчто тайншее увѣдать, къ тому довлѣетъ давати грамотки, дабы они приходили извѣстно и поспѣшно къ вашей богохранимой и богоутвержденной державѣ“¹¹⁴⁾. Вскорѣ и самъ Досиоей прибылъ въ Адрианополь и немедленно вступилъ съ Толстымъ въ постоянныя дѣятельныя сношенія. Вотъ что Толстой писалъ Досиоею отъ 6 ноября: „всесвятѣйшій и преблаженнѣйшій пастырю добрый, отъ всего сердца моего желаю, да сохранить всеодержащая десница Божія спасенную вашу жизнь въ пользу благочестивымъ. За изъявляемую милость и благословеніе твое архипастырское со всякимъ униженіемъ благодарствую и хвалу воздаю Господу Богу, яко по призрѣнію Его спасительному начинаю услаждаться полезною пищею отъ твоего архіерейскаго благословенія мнѣ преподаваемою, и прилежно молю твою архипастырскую святыню, еже имѣти мя въ добромъ призрѣніи по обыкновенному своему ко пресвѣтлѣйшему и державнѣйшему великому государю, государю моему всемилостивѣйшему любленію, яко и прежде бывшихъ присланныхъ отъ его священнаго величества награждалъ еси милостивно полезными дѣлы. Присланное отъ пречестнѣйшія святыни твояе письмо съ великою радостію воспріяхъ и о единомъ словѣ отъ вашей святыни, написанномъ ко мнѣ, мало и оскорбихся: еже святѣйшество ваше яко бы зазоръ имате о оттвореніи писемъ ко мнѣ при-

¹¹³⁾ Турецкія дѣла, связка 2, № 5.

¹¹⁴⁾ Прилож. № 8.

сланныхъ, что архіерейству вашему и мыслити неприлично ¹¹⁵⁾, зане азъ яко отца и пастыря хочу имѣти вашу святыню и во всякихъ моихъ дѣлахъ благоспѣшнаго помощника, какъ въ молитвахъ и благословеніи, такъ и во внѣшнихъ поведеніяхъ; и сего ради нѣсть тайны моя, еже бы вашей святыни не была явлено. По сихъ моленіе мое до блаженнѣйшей святыни вашей посылаю, еже не прогнѣватися о умедленіи отвѣтствованія отъ мене, дабы и ожидающій писемъ моихъ, по вашему благословенію, не оскорбился до утра здѣ пребыти, вины ради сицевыя: еже сего дня надѣюсь принять письма изъ отечества моего ко мнѣ посланные, и умыслихъ, ежебы единымъ писаніемъ возотвѣтствовать требующимъ отъ мене отповѣди, дабы и вашей святыни частою докучкою о посылкѣ писемъ моихъ не было нанесено трудности, въ чемъ и не сумнѣвалось, яко ваше архіерейство соизволитъ сіе прошеніе по желанію моему исполнить. При семъ, купно и съ сыномъ моимъ, припадая къ предъ всесвятѣйшимъ архипастырскимъ вашимъ благословеніемъ, при цѣлованіи блаженнѣйшихъ десницъ вашей, низайшее поклоненіе творимъ ¹¹⁶⁾.

Отъ 16 ноября (1702 г.) Досиѳей въ письмѣ сообщаетъ Толстому свѣдѣнія о тогдашнихъ отношеніяхъ между турками и татарами, которые де теперь ссорятся между собою, хотя и неизвѣстно изъ за чего. Пишетъ, что турки, не смотря на подстрекательства татаръ, вовсе не думаютъ нарушать миръ съ русскими, что онъ хотя и желаетъ лично повидаться съ Толстымъ, но теперь это невозможно потому, „что по-

¹¹⁵⁾ 5 ноября, съ племянникомъ своимъ Спиліотомъ Досиѳей прислалъ письма къ Толстому „присланные къ нему, послу, съ Москвы, писаны цифирью, а иные просто отъ Феодора Алексѣевича Головина, и отъ германа и кавалера и пана Степановича Мазепы, да выписка о запорожскомъ дѣлѣ, а всѣ тѣ письма распечатаны, да онъ же, патриархъ, прислалъ письмо о вѣдомостяхъ московскихъ“. Въ своемъ письмѣ къ Толстому, по поводу доставленныхъ ему распечатанныхъ писемъ, Досиѳей объясняетъ, что получивъ отъ Мазепы эти и другія письма и думая, что всѣ они писаны къ нему, онъ распечаталъ ихъ:—„пожалуй не кручинься, извиняется Досиѳей, но живъ Господь Богъ и Христосъ Его и св. Духъ Его, что ничей иной глазъ ихъ не видѣлъ, ниже иные руки за него примались, опричь нашихъ“.

¹¹⁶⁾ Турецкія дѣла 1702 г., св. 3, № 1, л. 294—295

слѣдуетъ много бѣдъ и раззоренія не токмо Іерусалиму, но и всѣмъ христіаномъ. За симъ ежели имѣете какія письма или дѣла до насъ, отдайте господину Спиліоту, онъ намъ принесетъ, а дѣла напиши на бумагѣ пространно и пришли ко мнѣ. А ежели что свѣдаемъ, о чемъ вамъ потребно знать, сами къ вамъ о томъ напишемъ, и вопросу отъ васъ не дожидаяся, также скажетъ вамъ господинъ Спиліотъ едино слово, изволь послушать и во умъ взять гораздо“. 6 декабря Толстой послалъ Досиѳею короткое извѣстіе о своихъ переговорахъ съ рейсъ-ефендіемъ, вслѣдствіе чего Досиѳей въ письмѣ отъ 7 декабря упрекаетъ Толстаго, что онъ, несмотря на его просьбу, не сообщаетъ ему подробно своихъ переговоровъ съ турками о всѣхъ статьяхъ: „видя и мы тѣ статьи, пишетъ Досиѳей, знаемъ обычай сего мѣста лучши иного кого, Богу милующу, и дознаемъ о намѣреніи ихъ, и будемъ подавать совѣтъ вашей любви въ томъ, въ чемъ намъ Богъ просвѣтитъ. А какъ уже увѣдаемъ отъ васъ всякое дѣло начисто почти можемъ и мы испытать и доведется о чемъ и вамъ сказать, совѣтовати и все прочее, что возможемъ вспоможеніе сдѣлати вамъ“. Въ отвѣтъ на это письмо Толстой посылаетъ Досиѳею очень подробный отчетъ о своихъ переговорахъ съ турками. 10 декабря Досиѳей, по поводу присылки ему десяти паръ соболей, пишетъ Толстому: „вашей любви работаемъ за любовь почтеннаго самодержавнаго лица, и работающе православной державѣ, самому Богу служимъ, отъ Него же и чаемъ воздаянія. Честное ваше писаніе воспріяхомъ и возблагодарихомъ Господу Богу, давшему вамъ смыслъ и разумнѣе отвѣщати на предложенія ихъ зѣло разумно, чего невозможно было лучше говорить. Къ тому же говоримъ, что сіи люди нынѣ не токмо съ вами, но ниже съ Полѣмъ имѣютъ охоту, ниже силу ссоритися, сего ради преимущество ваше: стой, во всѣхъ мужественно какъ началъ, и отвѣщевай подобно времянно безъ всякаго законсѣнія. Аще бы же и возымѣли намѣреніе брань учинить, не могутъ ниже въ годъ собратися, сего ради буди всегда благонадеженъ и то, что учинили есте отвѣтствовавшие смирно, лица вашего не измѣнили и голосомъ большимъ не кричали, егда ефендій совѣтовалъ и укорялъ зѣло, то учинили изрядно,

также и впредь чинить изволишь, понеже самодержость и кичливыя слова суть боязни знаменіе. Господине мой, вельми насъ возвеселилъ честнымъ твоимъ отвѣтомъ, и Богъ святой да возвеселить тя во всей жизни твоей и даруетъ тебѣ богатя милости и щедроты своя¹¹⁷⁾.

Такъ въ первые же мѣсяцы, по прибытіи Толстаго въ Турцію, между нимъ и Досиеемъ установились самыя близкія и постоянныя сношенія, которыя уже не прерывались до самой смерти Досиеея. Онъ постоянно сообщалъ Толстому всевозможныя свѣдѣнія, давалъ ему указанія въ затруднительныхъ случаяхъ, отвѣчалъ на тѣ или другіе его запросы. 14 марта 1703 г. Толстой, напримѣръ, писалъ Досиеею: „блаженнѣйшій и всесвятѣйшій мой владыко, радуйся и здравствуй о Господѣ на многіе лѣта! Молю блаженство ваше, аще что есть новыхъ вѣдомостей о старомъ ханѣ и войскахъ кругъ Дуная и о Ниуфъ-пашѣ и объ иныхъ такихъ, намъ написать. Второе, ежели господинъ Спаарей не послалъ моихъ писемъ, пришлите ко мнѣ завтра, ради писанія инаго нечего, и паки къ вамъ пришлю завтра къ вечеру и да управить ихъ тамо, гдѣ належитъ; а я, якожь и всегда, благоугодныя ваша молитвы и благословенія прошу, цѣлуя, яко чадо, умственно святую вашу руку, за симъ да многолѣтствуйте“. 5 ноября 1705 года Толстой пишетъ Досиеею: „ежели ваше архіерейство что возможешъ познати приличнаго намъ къ вѣдомости, молю прилежно, не остави насъ быти безвѣстны, какъ ваше блаженство отъ многихъ лѣтъ благоволяешъ трудитися не для чего иного, токмо ради христіанскія пользы, такъ и нынѣ, Господа ради, не оставляй мя сира; вѣсть Господь Богъ колико извѣстихомъ писаніемъ моимъ вашего блаженства труды, еже презрѣвъ вся страхи, изволяешъ ко мнѣ являти неизреченныя милости, и имѣю надежду, еже Богъ не оставитъ вашего блаженства тшанія безъ воздаянія; свидѣтельствуюсь Господомъ Богомъ, что ни съ кѣмъ несравненно ваше благодѣяніе изъясняю и Господь что изволить, то творить“. Или, напримѣръ, 8 апрѣля 1706 г.

¹¹⁷⁾ Турецкія дѣла 1702 г., св. 3, № 3. Статейный списокъ Толстаго за 1702 г. (Ibid. № 1) л. л. 374 и 378.

Толстой писалъ Досиеею: „Господь да сохранить вашего блаженства здравіе отъ всякаго зла. Святое ваше писаніе пріяхомъ и буду тако чинить, какъ ваше блаженство повелѣваетъ. Вѣдомости оныя уразумѣхомъ и ежели то правда, буди воля Божія, понеже некоторая война безъ урону быти не можетъ. „Досиеей сообщилъ Толстому распространившійся слухъ о пораженіи русскихъ войскъ въ войнѣ съ шведами, „обаче да благоволилъ Богъ святой окончанію быти къ сторонѣ божественнѣйшаго полезному и благополучному. Удивляюся, что нѣтъ ко мнѣ вѣдомости никакія отъ напеша страны толикое время: уже какъ писаны ко мнѣ послѣднія письма, есть тому четвертый мѣсяць. И паки молю, еще что будетъ потребно намъ вѣдать, да благоволилъ ваше блаженство по милости своей меня увѣдомляти, въ чемъ имѣю крѣпкую надежду. Еще вашему блаженству доношу, аще соизволите, да возьмете у господина Христа мое письмо въ четырнадцати мѣшкахъ, которое я учинилъ по приказу вашему, не взявъ отъ него денегъ, и да благоволиши ево прислать ко мнѣ. Также и я ево Христова письмо, которое у меня есть въ такихъ же деньгахъ, пришлю къ вашему блаженству, понеже мнѣ видится, что нынѣ сія письмена уже не служатъ ни къ чему; обаче какъ твое блаженство изволить, да учиниши по своему разсмотрѣнію“¹¹⁸⁾.

Досиеей не только доставлялъ Толстому нужныя для него всевозможныя свѣдѣнія, но умѣлъ при случаѣ добыть и списки съ султанскихъ грамотъ, посылаемыхъ къ иностраннымъ государямъ, и даже планы турецкихъ крѣпостей. Въ „Статейномъ списокѣ“ Толстово за 1703 годъ значится: „іюня въ 17 день въ письмѣ іерусалимскаго патріарха къ послу писано: человекъ хочетъ ѣхать въ Крымъ, а оттуду, взявъ людей, ѣхать къ Москвѣ наскоро. Я много посулилъ денегъ дать, чтобъ взять списокъ съ грамоты, съ которою поѣдетъ посолъ (турецкій, отправлявшійся въ Москву), однакожь подожду немного, и есть-ли возму, вамъ пришлю“. Списки съ султанскихъ грамотъ Досиеей дѣйствительно до-

¹¹⁸⁾ Турецкія дѣла 1703 г. св. 4, № 3 (Статейный списокъ Толстова) л. 176 об., 1705 г. св. 6, № 4, л. 315 об., 1706 г., св. 7, № 3, л. 96 об.

былъ, по его выраженію „со иждивеніемъ довольнымъ“ и отослалъ ихъ въ Москву, до прибытія туда съ этими грамотами турецкаго посла. 4 іюня 1703 года Толстой писалъ канцлеру Головину: „прошу у тебя, государя моего, милости, что-бы отъ лица великаго государя писать ко святѣйшему іеросалимскому патриарху благодареніе за многое ево къ великому государю усердіе. Истинно, государь, презирая смертныя страхи, работаетъ великому государю во всякихъ случаяхъ, и нынѣ, государь, прислалъ ко мнѣ чертежъ ново-построенному въ каменномъ затонѣ городу, которой чертежъ прислалъ къ портѣ силистрийской Юсупъ-паша, и съ того чертежа святѣйшій патриархъ, по прошенію моему, досталъ отъ порты списокъ, съ котораго, государь, списка, равною мѣрою написавъ, я чертежъ посылаю нынѣ къ тебѣ, государю моему“. 23 апрѣля 1704 года Толстой писалъ Головину: „нынѣ досталъ я чрезъ іеросалимскаго патриарха отъ порты списки грамотъ салтанскихъ, каковы къ цесарю и ко французскому королю о подтвержденіи мирныхъ договоровъ отъ новаго салтана; далъ за нихъ чрезъ негожь, патриарха, 200 левковъ, и тѣ списки посылаю къ вамъ при семъ письмѣ“¹¹⁹⁾.

Досиѣей давалъ наставленія Толстому, какъ ему слѣдуетъ держать себя во время переговоровъ съ турками. 31 января 1704 г. Досиѣей пишетъ, напимѣрь, Толстому: „егда пойма

¹¹⁹⁾ Тур. дѣла 1703 г., св. 4, № 2, л. 356 об., 415. 1704 г. св. 5, № 2. Изъ Яссы 25 сент. 1704 г. Досиѣей прислалъ письмо къ боярину Головину въ которомъ просить его, чтобы онъ прислалъ къ турецкому двору въ переводчики вѣрнаго человѣка, который бы держалъ въ тайнѣ данныя ему порученія. „У порты отоманской, пишетъ затѣмъ Досиѣей, имѣютъ такой обычай: когда пишутъ грамоты къ какимъ нибудь государемъ, какъ къ христіанамъ, такъ и къ язычникамъ, и тогда пишутъ обще, и списки пишутся въ книгахъ у рейс-ефенди, и хотя съ трудностію, однакоже чрезъ вѣрнаго человѣка и чрезъ многіе протори, возможно кому добывать, какъ и мы промыслили многія васъ ради. А тѣ которые пишутъ къ кому въ чужія государства и есть другъ особливый ихъ—порты, также и тѣ грамоты, которые приходятъ отъ всѣхъ государей, сирѣчь отъ царей христіанскихъ и отъ персовъ, и отъ хана татарскаго, тѣ всѣ полагаютъ внутри царскаго сокровищехранилища, и полагаютъ ихъ въ одномъ сундукѣ, именуемый царскій, и хотя дать кто весь свѣтъ въ подарки, не можетъ взять ни единого списка“. (Греч. дѣла 1704 г., № 1).

дете къ нимъ (туркамъ) свидѣтися, будите сладколичны, сладко-славны, веселы, пріятственны; ежели случится промежду какое слово студеное, слова ясности твоя да будутъ присвоительны и сладше паче меда и сота, и тако исходатайствуешь себѣ честь велику и въ дѣлахъ своихъ велику пользу. И, христолюбезне мой боярине, мы несмы достойны васъ учить, только вамъ напоминаемъ по должности, которую имѣемъ и по учительству Соломонову: дай премудрому вино и премудрѣйшій будетъ“. Досиѣей предостерегалъ Толстова, а чрезъ него и вообще русское правительство отъ довѣрчивости къ лицамъ, преданнымъ турецкимъ интересамъ. Онъ въ письмѣ отъ 11 іюля 1706 года проситъ Толстаго написать государю: „да повелитъ Мазепѣ и въ Кіевѣ и во всей Украинѣ, гдѣ не найдутъ волоскаго господаря людей, чтобы имъ зто творили, понеже онъ природою есть врагъ христіаномъ, и посылаетъ туда лазутчиковъ на каждую недѣлю и что свѣдаетъ, то пишетъ къ портѣ, къ тому же прикладываетъ и ложь, и радость то творить поганцомъ. А пріятели (т. е. мулянский господарь) сколько чего знаютъ, но которое суть не полезно, не говорятъ того; и волоской посылаетъ будто ради дружбы къ Мазепѣ, а тамъ есть русаки и греки, отъ которыхъ увѣдомляются о всемъ, и пріѣхавъ ему о томъ сказываютъ, и онъ сюда то пишетъ и мутитъ миромъ“. 23 апрѣля 1706 года Досиѣей пишетъ Толстому: „Молимъ тя и совѣтуемъ тебѣ, да послушаеши насъ и имѣши людей московскихъ вѣрныхъ ради службы сія, а отъ грековъ удаляйся, зане греки тайная не хранятъ. Глаголемъ же: не вѣруй грекамъ, зане Савва (разумѣется Рагузинскій) говорилъ: аще бы кто далъ заушеніе едино (греку) сказалъ бы все тако и освященіи и мирстии и врачеве; аще едино заушеніе постраждутъ, абіе что знаютъ, то скажутъ“. Въ другомъ письмѣ Толстому Досиѣей пишетъ: „зрите, волохи колько лжей пишутъ отуду, видите колько глаголютъ и послы, зане суть вся ложь, прочее же: яко васъ обманываютъ, обманывайте ихъ и вы, а истины ищите отъ насъ“. Въ отвѣтъ на эти письма Толстой пишетъ Досиѣею отъ 28 апрѣля: „пріяхомъ ваше святое писаніе и вельми о семъ благодарствую, паче-жь неизреченно веселюся видя вашего бла-

женства превеликую ко мнѣ милость и отеческое о мнѣ попеченіе, еже благоволяешь писати ко мнѣ, да быхъ остерегался отъ вещей, могущихъ приключитися, за что поклоняюся ко святымъ вашимъ ногамъ, и паки вельми благодарствую“¹²⁰⁾.

Что бы правильно судить о ходѣ дѣлъ и имѣть возможность во время давать послу надлежащіе совѣты, Досиеей не разъ настойчиво требовалъ отъ Толстаго, чтобы тотъ своевременно и подробно извѣщалъ его о ходѣ всѣхъ переговоровъ, какія тотъ велъ съ турками и высказывалъ сильное неудовольствіе, когда посоль не исполнялъ или медлилъ исполнить это требованіе. 6 марта 1704 года, напримѣръ, Досиеей пишетъ Толстому: „не отлагая времени, но увѣдомляй насъ подлинно, чтобъ вѣдали явственно, что разговаривали (съ турками) о любви и они о чемъ.... Егда будете на разговорахъ, конечно просимъ, да возымѣемъ вѣдомость разговорамъ подлинную и досконалую“. 15 іюля 1706 года Досиеей пишетъ Толстому: „дважды писахомъ и отвѣта не видахомъ, можетъ быть для того, что пишемъ что либо непристойно, однакоже се уже и третіе пишемъ...“ Толстой спѣшилъ успокоить Досиеея: не отвѣчалъ онъ потому, что былъ боленъ, „паки болѣзнь въ моихъ ногахъ такъ умножилась, что не могъ сойти съ постели, къ тому же нѣчто и глава отяготилась“. Или, напримѣръ, Досиеей пишетъ Толстому (28 марта 1704 г.): „нынѣ, или завтра, или послѣ завтра, доколѣ не запечатаете къ государю письма, оставьте всѣ свои дѣла и напишите къ намъ явственно, что говорили съ везиремъ одно по единому, и что вамъ говорилъ и что вы ему говорили, зане пишете вы, что не знаете, съ чистымъ ли сердцемъ или съ лукавымъ говорилъ. Мы какъ посмотримъ, благодатію св. Духа познаемъ, которая есть истинно и которая есть лукавно, и дадимъ вамъ вѣдомость явственную. Приказываешь къ намъ словесно, но ниже и той которой приходитъ, знаетъ, что намъ говорить, ниже мы разумѣемъ, и того ради глаголемъ паки, да отпишиши къ

¹²⁰⁾ Турецкія дѣла 1704 г., св. 5, № 3, л. 29. 1706 г., св. 7, № 2, л. л. 119 об. — 121, 124.

намъ явственно и пространно, и будемъ отвѣщати и мы подлинно и совершенно“¹²¹⁾.

Услуги Досиеея Толстому получаютъ особую цѣнность въ виду того, что турецкое правительство иногда держало русскаго посла какъ бы подъ арестомъ, не позволяя ему ни съ кѣмъ видѣться и говорить. Въ письмѣ къ Головину отъ 4 апрѣля 1703 года Толстой заявляетъ, что въ Адрианополѣ, куда онъ вмѣстѣ съ турецкимъ дворомъ переѣхалъ изъ Константинополя, его поставили на новый дворъ въ тѣхъ видахъ, чтобы къ нему никто не ходилъ, такъ какъ новый дворъ видимъ отовсюду; кромѣ того у него помѣстили чурбачей и янычаръ въ видѣ почетной стражи, а на дѣлѣ, что бы не допускать къ нему христіанъ. „И зѣло всѣ христіане, пишетъ Толстой, опасны, не токмо на дворъ ко мнѣ притить, ниже мимо воротъ моихъ пройти смѣютъ. И отъ приѣзду своего я и по днесъ со іерусалимскимъ патриархомъ не видался, чего онъ и самъ сердечно желаетъ, обаче учинить того не возможно за великимъ отъ нихъ подозрѣніемъ, а нынѣ уже мнѣ и пересылатца съ нимъ стало трудно съ новаго двора“. Вслѣдствіе такой подозрительности турецкаго правительства Толстой иногда затруднялся правильно и безъ замедленія пересылать свои донесенія русскому правительству. И въ такихъ случаяхъ на выручку послу являлся Досиеей, чрезъ руки котораго вообще проходила вся переписка между нашимъ посломъ и правительствомъ. 23 марта 1704 года Досиеей пишетъ Толстому: „не скучайте о чловѣкѣ, съ кѣмъ письма послать, зане есть люди, что за недѣлю дважды ходятъ яко орлы, и мы пошлемъ съ ними и пойдутъ въ скорости и цѣлости, и вы не поспѣшите токмо. напишите дѣла свои и нужные потребности поволью, едино по единому, и пришлите къ намъ грамоты въ субботу, а мы ихъ пошлемъ въ понедѣльникъ, и дойдутъ и въ скорости и въ цѣлости, на подписа да подпишите отдать въ руки Мазепѣ“¹²²⁾.

Между Толстымъ и Досиееемъ возникали иногда недоразу-

¹²¹⁾ Ibid. 1704 г. св. 5, № 3, л. 101, 144 об. 1706 г., св. 7, № 2, л. 245 и 276 об.

¹²²⁾ Ibid. 1703 г. св. 4, № 2, л. 106. 1704 г. св. 5, № 3, л. 144 об.

мѣнія, которыя впрочемъ скоро прекращались. Разъ Досиѳею, какъ мы уже упоминали, случайно распечаталъ письма, пересылаемыя чрезъ него Толстому, принявъ ихъ за адресованныя ему. Толстой, получивъ распечатанныя письма, съ объяснительнымъ письмомъ Досиѳею, написалъ однако объ этомъ случаѣ въ Москву. Досиѳею, узнавъ объ этомъ, сильно огорчился на Толстаго и сталъ даже подозрѣвать его, что онъ въ своихъ донесеніяхъ въ Москву умалчиваетъ о тѣхъ услугахъ, какія постоянно оказываетъ ему Досиѳею. „Господь съ вами, ясновельможнѣйшій мой пишеть, Досиѳею Толстому 25 февраля 1703 года, мы вамъ работаемъ безъ всякія надежды, но за едину токмо любовь Божию и ради честнаго имени святаго величества, и служимъ вамъ въ послѣдней бѣдѣ души нашея и живота и чести нашея и въ семь паки благодарствованія отъ Бога ищемъ, а отъ васъ ничего не просимъ, а ваша вельможность, не знаю откуда, подучается насъ касатися, а наипаче въ самое сердце. Мы отворили у васъ одинъ пакетъ писемъ по случаю, и написали есмы вамъ тогда и представили вамъ на среду всечестное имя поклоняемаго Бога, что мы отъ тѣхъ писемъ ни много ни мало не читали и ниже чіе око ихъ видѣло, oprичъ нашего, и нечего было отписывать туда, что письма примаешь отворены и онымъ писать къ рознымъ многіе пени и смущать миръ. Божественнѣйшій владыко иное пишеть во своемъ письмѣ, а ясновельможность ваша иное дѣлаешь. Но если вамъ не нравится, что вамъ работаемъ, да имѣемъ вѣдомость, и отнынѣ впредь перестанемъ, наипаче-жъ всѣмъ учинишь намъ и пріятство. Прежде тебя бывшіи (русскіе послы) всегда, когда писали ко святому величеству, всегда писали и наши труды и работы наши подробну, преимуществу жъ твоему надѣялися мы, что пишешь о многихъ хотя мало, но видимъ сбывается противное; а кто есть причина, отчего такое дѣло чинится, не можемъ разумѣть, однако-жъ лутчи перестать намъ отъ сего“. Чрезъ три дня Досиѳею снова пишеть Толстому: „ниже преимущество твое, ниже всѣ вити могутъ показать, что учинили есте доброе. Понеже отне-лежъ пришелъ нѣкто Аеонасій посоль, ради блаженнѣйшихъ патріарховъ во время приснопамятнаго самодержца Алексѣя

Михайловича, потомъ пришелъ Прокофей, потомъ Алексѣй Никитинъ, и пришедшіи Емельянъ и князь Дмитрій даже до вашей любви, Богъ такъ благоволилъ намъ служить имъ во всѣхъ ихъ потребахъ, но токмо Прокофей не послушалъ совѣта нашего, и принесъ велику напасть на оное мѣсто, а мы хотя о томъ и умолчали по законамъ церковнымъ, но тамъ, гдѣ поѣхалъ, во истину его будутъ спрашивать о всемъ томъ. Всѣмъ (рускимъ посламъ) мы работали не ради чего иного, окромѣ за любовь Божию и отъ ревности по благочестію, но никто насъ не онеоправдилъ, окромѣ токмо преимущества твоего, понеже писали есмы тебѣ съ клятвою, что письма по случаю внезапному отворены были и мы ихъ не видѣли, ниже иной кто, — для чего жъ было писать, что мы отворили письма? и какимъ образомъ о томъ писалъ есть, явно отъ тѣхъ писемъ, которые пишуть отсюда. Письмо, которое писалъ къ намъ святое величество, изволилъ ты видѣть и намъ приказываетъ писать отсюда всякую вѣдомость; и мы ниже писали, ниже пишемъ никакой вѣдомости для двухъ причинъ: первое, ради твоей чести, а другое, что-бъ не было въ томъ какого погрѣшенія въ какомъ нибудь дѣлѣ: иное напишете твое преимущества инако, и будетъ великій стыдъ, но по дѣлу не даждь того Боже. Есть ли бы случилось учинити преимуществу твоему, живущему здѣ, невѣдѣніемъ какое погрѣшеніе, пристояло ли-бы намъ писать о томъ туда, чтобъ ни было пристойно, или о томъ умолчать, или ащебы о томъ тамо свѣдали, намъ тое исправить. Благороднѣйшій мой! съ невѣдѣніемъ погрѣшеніе учинилось навѣтомъ общаго врага, да будетъ же и паки посрамленіе общему врагу, а преимущество твое отъ насъ буди благословенъ и прощенъ, и нетокмо однимъ словомъ прощенъ и благословенъ, но какъ Исусъ Христосъ есть вправду Сынъ Бога живущаго, тако во истинѣ его Сына Бога живущаго буди прощенъ и благословенъ. Но понеже еще всякому погрѣшенію есть правило, даемъ тебѣ правило: ниже размышляй, ниже попеченіе имѣй, ниже сказывай, ниже разглагольствуй съ кѣмъ, какъ случилось такое дѣло, ниже намъ противъ сего письма восписуй уже о томъ впредь, ниже со своимъ секретаремъ разглагольствуй, ниже туда къ кому пиши, понеже не для чего писать,

не для чего и говорить, но да будет забвенно то слово, будто его не было никогда, а мы ко преимуществу твоему и паки будемъ оные, которые были есмы и прежде со всякою любовію и чистымъ сердцемъ“. Въ отвѣты на эти письма Толстой отъ 1 іюня 1703 года пишетъ Досиѣю: „Благодарствую Господа Бога, еже сподобился воспріяти пречестнѣйшее писаніе вашего блаженства, паки и за твою милость благодарствую вельми, еже изволилъ меня писаніемъ посѣтить. О чемъ святѣйшество ваше изволилъ ко мнѣ писать, многословить о томъ не хочу, но желаю, да будетъ душа моя предъ Богомъ въ таковомъ оправданіи, въ каковомъ суть предъ милостію твоею, понеже вѣсть Господь Богъ: ни едино писаніе святѣйшества вашего осталось, съ котораго бѣ не посланъ былъ списокъ, обаче великое мнѣ безчастіе приводити вашему блаженству противное нѣкакое ко мнѣ сомнительство, о чемъ суть въ великой печали, обаче нынѣ больши писати за скорбію переводчика моего не могу, но словомъ съ господиномъ Спиліотомъ довольно приказалъ. Паки требую твоего архіерейскаго благословенія, преклоняю главу мою подъ святую твою десницу“¹²³).

Толстой дѣйствительно высоко цѣнилъ услуги, оказываемыя ему Досиѣемъ и сильно дорожилъ его расположеніемъ и благоволеніемъ къ себѣ, хорошо понимая, что Досиѣей для него лицо незамѣнимое по своей вѣрности и ревности въ службѣ Россіи, почему онъ всячески всегда старался выразить ему свое глубокое почтеніе, преданность и благодарность. Въ 1704 году Досиѣей долженъ былъ на время отправиться въ Молдавію. Но онъ не хотѣлъ, чтобы и въ его отсутствіе Толстой остался безъ его совѣтовъ и вѣрнаго надежнаго человѣка, который служилъ бы посредникомъ между ними и сообщалъ бы послу необходимыя ему свѣдѣнія. Въ письмѣ отъ 22 мая, извѣщая Толстаго о своемъ отъѣздѣ въ Молдавію, Досиѣей пишетъ ему: „имѣемъ тебѣ нѣчто писать, но оттуду, куда ѣдемъ, будемъ вамъ писать и совѣтывать и протчимъ пріятелемъ, а письма тѣ будемъ посылать чрезъ посредство здѣ пребывающаго священнаго лица, кото-

¹²³) Ibid. 1703 г., св. 4, № 3, лл. 62, об.—63, 66—67, 367.

рое знаете, (разумѣется племянникъ Досиѣя, бывшій архимандритъ, а теперь кесарійскій митрополитъ Хрисанѣ), и паки чрезъ посредство того же лица да имѣемъ и ваши. Такъ же, ежели изволите, молимъ, чтобы намъ имѣть нѣкакую вѣдомость отъ разговоровъ, которые имѣютъ быть“. Получивъ это письмо, Толстой того же 22 мая пишетъ Досиѣю: „всесвятѣйшій и всеблаженнѣйшій архіерею. да сохранитъ Господь Богъ здравіе вашего преподобства здѣ и въ путешествіи и на всякомъ мѣстѣ въ долгоденственномъ благополучіи. Истинно съ сокрушеніемъ сердца моего провождаю мысленно блаженство ваше, а наипаче проливаю слезы, еже не сподобится видѣти святолѣпнѣйшаго вашего лица, и ничто другое сему препятіемъ сталося, токмо моя злая fortuna. Однакожъ не престану молити Творца всяческихъ Бога, да во грядущее время сподобитъ мя сіе желаніе мое получить. Не достаеът моего смысла, ниже языкъ мой возможеть достойно воздати вашей святыни благодаренія за вся неизреченныя ко мнѣ милости, токмо до скончанія жизни моей не оставлю памятовать вашего благотворенія... Благодарю Бога и твою святыню, еже не во всеконечномъ сиротствѣ оставляеши мя, и зѣло изряднымъ благодѣтелемъ награждаеши отъ вашего блаженства—святымъ кесарійскимъ, отъ котораго несомнительно, за благословеніемъ вашимъ, надѣюся имѣти въ дѣлехъ моего превисочайшаго монарха добрую помощь, и вся сія вашего преподобства дозволѣнія превосходятъ на первообразное, его жъ святому величеству подшуся ясно донести о всемъ“. 27 января 1707 года, за нѣсколько дней до смерти Досиѣя, Толстой писалъ ему: „вельми благодарствую за милость вашу, что изволилъ мнѣ подать вѣдомость, которая писана изъ нашихъ странъ; обаче слыша о вашей немощи, вельми оскорбихся, и истинно яко бы въ моемъ тѣлѣ возымѣлъ оную болѣзнь, и Господь Богъ да подастъ вамъ облегченіе отъ скорби“¹²⁴).

Высоко цѣня услуги Досиѣя, Толстой при всякомъ удобномъ случаѣ старался указывать нашему правительству на ревностную и самоотверженную службу іерусалимскаго пат-

¹²⁴) Ibid. 1704 г. св. 5, № 3, лл. 247 об.—248, 251. 1707 г. св. 8, № 3, л. 35.

риарха. 4 июня 1703 года Толстой пишет канцлеру Федору Андреевичу Головину: „прошу у тебя, государя моего, милости, чтобы отъ лица великаго государя писать ко святѣйшему іеросалимскому патриарху благодареніе за многое его къ великому государю усердіе; истинно, государь, презирая смертныя страхи, работаетъ великому государю во всякихъ случаяхъ“. 7 іюля Толстой сообщаетъ Головину, что Досиеей прислалъ къ нему, Толстому, грамоту къ государю, съ просьбою перевести ее на русскій языкъ и переслать въ Москву цифирью, причѣмъ замѣчаетъ: „какъ прежде сего къ вамъ писалъ, такъ и нынѣ доношу, что трудовъ ево (Досиеея) въ дѣлахъ великаго гсударя много, и усердіе къ великому государю имѣетъ великое“. 22 мая 1704 года Толстой пишетъ Головину: „извѣстно милости твоей, государя моего чиню: святѣйшій іеросалимскій патриархъ Досиеей изъ Константинополя выѣхалъ въ мулянскую землю, таможь бывши нѣкоторое время, пріѣдетъ и въ волоскую землю. И во время бытности своей въ Адрианополи и въ Константинополи, зѣло усердствовалъ въ дѣлахъ великаго государя, и мнѣ многіе чинилъ вѣдомости о всякихъ дѣлахъ, обаче, государь, подозрѣніе отъ турковъ видѣтиса мнѣ съ нимъ не поволито и, неувидѣвся онъ со мною, поѣхалъ изъ Константинополя. Прошу у тебя, государя моего, милости, чтобы къ нему отписать и возблагодарить за ево многое усердіе; обаче какъ о томъ воля великаго государя и твое, государя моего, разсмотрѣніе будетъ“. 16 іюля 1705 года Толстой пишетъ Головину: „письма мои святѣйшій іеросалимскій патриархъ началъ примать по прежнему, и въ дѣлахъ великаго государя усердствуетъ вельми, обаче страха ради отъ сихъ поганцевъ не можетъ мнѣ часто подавать потребныхъ вѣдомостей чрезъ писанія, какъ чинилъ напредъ сего, однакожь усердіе являетъ изрядное чрезъ единаго грека словесно“. Въ декабрѣ Толстой сообщаетъ, что Досиеей пріѣхалъ въ Константинополь „и ко мнѣ весьма милостивъ и въ чемъ можетъ, весьма усердствуетъ“. 24 февраля 1706 года Толстой пишетъ Головину: „онъ, святѣйшій патриархъ, вельми радѣетъ о дѣлахъ великаго государя и заплата никакой не требуетъ, обаче хотя бы малымъ чѣмъ ево потѣшить, чтобы прислать отъ лица

великаго государя, зѣло бы онъ тѣмъ увеселился; воистинно забывъ страхъ усердствуетъ, въ чемъ можетъ“. 4 августа Толстой пишетъ: „святѣйшій іеросалимскій патриархъ пребываетъ въ Константинополи и ко мнѣ милостивъ, подаетъ мнѣ всякіе вѣдомости, что можетъ, и нынѣ приказывалъ ко мнѣ, чтобы я къ милости твоей отписалъ о многихъ ево расходахъ, которые чинятся во Іеросалимѣ; и во истинно, государь, неизреченные нынѣ ему во Іеросалимѣ чинятся убытки отъ тамошнихъ мятежей; и о семъ какъ изволеніе великаго государя и твое, государя моего, разсмотрѣніе будетъ“¹²⁵).

Служба Досиеея нашимъ посламъ въ Турціи дѣйствительно была исключительная, выдающаяся изъ ряда вонъ по своей продолжительности (болѣе сорока лѣтъ), по своей важности и значенію. Онъ былъ авторитетнымъ совѣтчикомъ и руководителемъ нашихъ пословъ, на которыхъ онъ смотрѣлъ какъ бы на своихъ воспитанниковъ и учениковъ, обязанныхъ ему своими успѣхами. Въ письмѣ къ Толстому отъ 23 апрѣля 1706 года Досиеей такъ опредѣляетъ свои отношенія къ посламъ, предшественникамъ Толстаго: „сущу мнѣ митрополиту кесарійскому и присла ту блаженные памяти царю Алексѣю Михайловичу суды двухъ пословъ, патриарховъ ради антиохійскаго и александрійскаго, Аванасія Іоанновича, Іоанна Вахромѣевича, и приказалъ имъ, да имѣютъ насъ здѣ въ прошеніи. Тѣмъ же поидомомъ купно съ ними въ Адрианополи, яко порта тамо тогда баше, и елико насъ слушали послы, толико ихъ службы бяху непорочны; имѣюще же совѣтъ съ нѣкоторыми людьми и неслушающее насъ, во еже управляти ихъ, стался единъ турченинъ и происходатайствовавше имъ многая болѣзноглавленія у порты. И Емельянъ имяше содружество съ нѣкоторыми людьми, что хотяху творити и они подобная; мы же, пріемше вѣдомость, о семъ писаху къ нему и управляше тыхъ по писанію нашему, и они молчаху и спокойствоваху, но обаче на послѣдокъ мало что не пострадохомъ зло отъ нихъ, понеже знаху тайная его“. Въ грамотѣ къ государю отъ 20 іюня 1704 года Досиеей

¹²⁵) Ibid. 1703 г. св. 4, № 2, лл. 356 об., 399 об.; 1704 г. св. 5, № 2; 1705 г. св. 6, № 3; 1706 г. св. 7, № 2.

пишетъ государю о послѣ Толстомъ: „нынѣшній въ Константинополь посоль вашего божественнаго величества преbывалъ зѣло хорошо, зане чего не разумѣлъ, насъ вопрошалъ и познавалъ, и что мы ему возвѣщали, слушалъ. Спозналъ уже отъ частныхъ совѣтовъ и отъ дѣлъ самыхъ свойства турковъ, которые, когда слабы суть, хвастаютъ что суть зѣло сильны, когда суть скудны, велеречествуютъ, что суть зѣло богаты, а когда бѣдствуютъ, говорятъ, что суть мирны. Суть бо всѣхъ христіанъ враги и любятъ всѣмъ (дѣлать) зло, а никогда на единомъ словѣ не стоятъ и инья умыслы и ласковая начинанія имѣютъ, а наипаче тамъ, гдѣ навѣтуютъ, показываются, что суть друзи, ненавидяще лицемѣрствуютъ любовію. Сія вся и таковая зѣло добрѣ вызналъ честнѣйшій посоль, того ради во всякой потребѣ и въ дѣлѣ явился онъ полезенъ и хваленъ, а нынѣ не имѣетъ ниже вопроса, ниже запросовъ къ тому же отвѣтовъ такъ трудныхъ“¹²⁶⁾.

Служба Досиѣея посламъ была вполне безкорыстная и въ тоже время очень рискованная въ томъ смыслѣ, что постоянно угрожала опасностію самой жизни Досиѣея. Объ истинныхъ мотивахъ, характерѣ и всѣхъ опасностяхъ своей ревностной службы въ интересахъ Россіи Досиѣей самъ не разъ заявлялъ царю, канцлеру, посламъ. Въ грамотѣ государю въ августѣ 1700 года Досиѣей говорить, что онъ во всемъ служилъ пособникомъ послу Украинцеву и пособникомъ столь ревностнымъ, „что всякую бѣду и самую смерть пренебрегли есмы, токмо да Богомъ вѣнчанной вашей державѣ елико можемъ, послужимъ“. Въ другой грамотѣ государю того же года Досиѣей заявляетъ, что онъ пишетъ о всемъ государю, „наипаче двизаемые и подвижные сущи отъ многія ревности, которую имѣемъ и имѣли къ святой и пречестной вашей главѣ“. 31 августа 1703 года Досиѣей писалъ государю: „изволить святое твое царствіе, что какъ даже до нынѣ, такъ и впредь совѣтывалъ бы я и способлялъ честному вашему послу въ нужныхъ дѣлахъ; и о семъ изволь вѣдати царское твое величество: что въ семъ всегда обрѣтаемся, какъ и прежде сего писахъ, и нѣсть

такого дѣла, которое бы мы вѣдали, что оно нужно послу вашему знати, и не объявляхомъ ему, ниже отлучаемся когда, чтобъ ему не совѣтывати въ нужныхъ дѣлахъ. И тако будемъ дѣйствовать, пакамѣсть живемъ, понеже нетокмо есмы богомольцы теплѣйшія вашей державы, но и работники усердніи, а наипаче указъ твой имѣемъ, яко слово святое и гласъ Божій“. Въ грамотѣ государю отъ 28 мая 1705 года Досиѣей пишетъ: „изволяетъ ваша Богомъ основанная держава, чтобъ намъ имѣти тую же ревность къ вамъ, какъ имѣли есмы даже до нынѣ. О семъ глаголемъ благочестивѣйшій царю, что мы вдалися въ службу вашего богоизбраннаго человѣколюбія не отъ насъ, коеже бо возмгло престати сіе божественное дѣло, но отъ самаго Бога; того ради и хранится даже до послѣдняго нашего дыханія, ибо, по блаженному Павлу, дарованія Божія нераскаятельна суть. И тако, Богу благоволящу, время покажетъ, какъ будемъ служить вашему божественному величеству многими образы, какъ намъ подобаеть и можемъ паче всякаго чловѣка, обрѣтающагося въ сихъ странахъ“. Въ грамотѣ къ канцлеру Головину въ іюль 1706 года, по поводу присылки ему соболей и денегъ, Досиѣей пишетъ, что соболи и деньги „хотя и посылаются къ намъ подъ именемъ милостыни, однакожь издержаны бывають даже до полушки въ службѣ великаго государя, понеже многія суть посредствующія во исправленіи службы и всѣ хотятъ и всѣ берутъ, а мы зѣло благодарны есмы, что служимъ священному величеству за едину любовь Господа нашего І. Христа, и такъ будемъ творить и впредь“. Въ грамотѣ къ канцлеру Головину отъ 18 ноября 1706 года Досиѣей пишетъ: „вся тайная дѣла повѣщаемъ Петру Андрееву (Толстому) письменно, чтобъ вельможность его доносилъ ихъ къ вамъ, понеже пишетъ цифрами и иними знаками; а буде вельможность его для нѣкого чловѣческаго любочестія не пишетъ, елико извѣдываетъ отъ насъ, мы то пренебрегаемъ, понеже мы служимъ по первой причинѣ ради Бога и довольно есть, что знаетъ самъ Богъ. Сіе говорю, чтобъ изволилъ знать сіятельство ваше, что и три государевы послы, которые пріѣхали сюды, имѣли насъ наставниковъ, и сколько насъ слушали—благоугодили,

¹²⁶⁾ № 7, Ibid. г. св. 1706 3, л. 120. Прилож. № 10.

а въ чемъ насъ преслушали—прельстилися, а мы убыточная умолчали и молчимъ“. —Тоже самое о своей службѣ Досиѳею не разъ заявлялъ и самимъ посламъ. Когда Украинцевъ покончилъ всѣ свои посольскія дѣла, то съ нимъ пожелалъ теперь видѣться константинопольскій патриархъ Каллиникъ, пожелалъ видѣться съ послами и Досиѳею, ранѣе все время тайно сносившійся съ ними и сообщавшій имъ разныя вѣсти. При этомъ свиданіи Досиѳею между прочимъ говорилъ Украинцеву: „что уже де нынѣ и вселенскій святѣйшій патриархъ Киръ Коллиникъ будетъ являться другомъ и пріятелемъ имъ, посланникомъ, зане въ благополучное время многіе являются друзьями, а въ нужное время ни одинъ, окромѣ его святѣйшаго патриарха, отъ чего онъ имѣлъ въ чести своей великое опасеніе, а наипаче и живота своего лишеніе, радѣя и промышляя о дѣлахъ православнаго государя нашего, а иной никто ни съ чѣмъ, а пачежъ и всякою осторожностію къ нимъ посланникомъ не отзывался“. 10 декабря 1702 года Досиѳею пишетъ послу Толстому, приславшему ему десять паръ соболей: „вашей любви работаемъ за любовь почтеннаго самодержавнаго лица и, работающе православною державѣ, самому Богу служимъ, отъ негоже и чаемъ воздаянія“. Въ февралѣ 1703 года онъ пишетъ Толстому: „мы вамъ работаемъ безъ всякой надежды, за едину токмо любовь Божию и ради честнаго имени святаго величества, и служимъ вамъ въ послѣдней бѣдѣ души нашея и живота и чести нашея, и въ семъ паки благодарствованія отъ Бога ищемъ, а отъ васъ ничего не просимъ“. Въ письмѣ къ Толстому отъ 18 мая 1704 года, предъ отъѣздомъ своимъ въ Молдавію, Досиѳею пишетъ: „всѣ письма, которыя къ намъ посылали отъ малаго и до великаго всѣ истребили (о чемъ Толстой просилъ Досиѳею) и никакова не имѣемъ, о чемъ молимъ и мы: ежели имѣете сбережены какіе письма наши, всѣ ихъ пожгите, никакаго не удерживайте для того: не знаемъ, что время приведетъ, и если случится, поганцы здѣшніе впадутъ въ какое подозрѣніе, чтобъ не послали внезапно обыскивать и побрать письма, а потомъ что послѣдуетъ, то есть явно и тому быть обычно у здѣшнихъ, понеже такъ учинили послу грузинскому, понеже внезапно напали на него

и побрали всѣ ево письма, того ради и молимъ паки о семъ, какъ пишемъ, такъ да учинится“. Въ письмѣ къ Толстому отъ 23 апрѣля 1706 года Досиѳею опять указываетъ на то обстоятельство, что онъ служить послу не за деньги, что если иногда онъ и получаетъ что отъ русскаго правительства, то полученное все до копѣйки растрчиваетъ на необходимые расходы по службѣ государю, которая лично ему грозитъ постоянною бѣдою. „Господине мой, пишетъ онъ Толстому, время есть зѣло трудно и по премному страшно, и боимся о родѣ и о жизни нашей, а о издержкѣ неотягащайся, яко и мы держимъ, и ими вѣру: пятьсотъ левковъ, которые изволилъ прислать намъ вмѣсто милостыни за святыхъ мощи Златоустаго, такожде изволилъ прислати и нѣкоторую вещь третіяго году и сіи убо двѣ остались у насъ. А елика иная къ намъ прислалъ еси толико во Андрианополі, елика здѣсь въ Константинополи, вся, а еще къ намъ прислалъ и господинъ Θεодоръ (т.-е. Головинъ) чрезъ друга четыре сорока соболей и тая продахомъ за тысячу за семьсотъ левовъ, яко же и оная, которая прислалъ къ намъ вапа преславность, и тая имѣемъ вся во издержкѣ, якоже ниже листъ единъ намъ остался отъ тѣхъ всѣхъ. Обаче токмо дабы была сохранена вещь тайная, дабы не пострадати намъ что зло, такожде и роду нашему и дабы не послѣдовала какая неудобность къ дѣламъ божественнѣйшаго, аще и во всякъ день убытчимся, но дабы возмогли сохранить сіи двѣ вещи, яко время есть зѣло стропотно и превратно, и сохранитися отъ всѣхъ людей нашихъ иначе не можемъ, развѣ симъ образомъ да управляемъ и, Богу благоволящу, малую тихость имѣемъ“¹²⁷⁾.

Царь Петръ высоко цѣнилъ ревностную и полезную службу Досиѳею нашимъ турецкимъ посламъ. Отправляя послами въ Турцію князя Голицына и потомъ Толстаго, онъ приказываетъ имъ, какъ мы видѣли, о всѣхъ дѣлахъ обязательно сообщать и совѣтоваться съ Досиѳеемъ, а Досиѳею особыми

¹²⁷⁾ Прилож. №№ 4, 5, 11; Греческія дѣла 1706 г. № 1; Турецкіе статейные списки № 27, л. 1032; Турецкія дѣла 1702 г. св. 3, № 3; 1703 г. св. 4, № 3; 1704 г. св. 5, № 3; 1706 г. св. 7, № 2.

грамотами просить во всемъ помогать нашимъ посламъ, быть ихъ совѣтчикомъ руководителемъ. Получая извѣстія отъ пословъ о чрезвычайныхъ услугахъ имъ со стороны Досиеея, государь старался поощрить патріарха къ дальнѣйшей службѣ русскимъ интересамъ своими особыми грамотами къ нему. „Понеже выразумѣли мы изъ доношенія посла нашего, пишетъ, напримѣръ, государь Досиеею отъ 20 мая 1703 года, въ Адрианополь пребывающаго, вашего блаженства искреннее радѣніе и труды, которыя полагаете во всякихъ случаяхъ благопотребныхъ къ дѣламъ нашимъ, паче же ко всему православному христіанству, по прежнему вашему блаженству благодарствуемъ, желая, дабы и впредь, по своей къ намъ ревности, во всякихъ приключаящихся дѣлахъ благонаставительный свой совѣтъ подавати послу нашему и вспоможеніе всякими увѣдомленіи чинити изволили, и онаго блаженства вашего радѣніе о дѣлахъ нашихъ никогда забвенію предано не будетъ, но и всякою нашею сердешною любовію воздати потщимся, прочее же повелѣли есмь словесно послу нашему вамъ донести. При семъ и паки желаемъ отъ Господа Бога вашему блаженству мирнаго и душеполезнаго состоянія, себя же вашимъ отеческимъ священнымъ молитвамъ и благословенію поручаемъ, и есмь вашего блаженства сынъ послушнѣйшій“¹²⁸).

ГЛАВА VI.

Служба Досиеея, какъ тайнаго политическаго агента русскаго правительства, не ограничивалась только тѣмъ, что онъ сообщалъ разныя свѣдѣнія нашимъ турецкимъ посламъ, давалъ имъ различныя совѣты и наставленія, служилъ посредникомъ въ ихъ сношеніяхъ съ нашимъ правительствомъ. Досиеей, кромѣ того, посылалъ въ Москву особыя грамоты государю, канцлерамъ Головину и Головкину, въ которыхъ онъ или просто только сообщалъ разныя политическія вѣсти, или же, сообщая вѣсти, вмѣстѣ съ тѣмъ и обсуждалъ ихъ, высказывалъ по поводу ихъ свои соображенія, давалъ совѣты и указанія нашему правительству, какъ ему слѣдуетъ поступать въ тѣхъ или другихъ случаяхъ.

Въ мартѣ 1691 года Досиеей писалъ царямъ въ Москву: „я изъ Адрианополя тому 18 лѣтъ письмецо писалъ присноблаженные памяти къ отцу вашему, государю царю киръ Алексѣю Михайловичу, и совѣтовалъ: покиньте подяковъ, но смирите прежде турковъ, потому что конечно хотятъ притти къ Днѣпру, однако жъ онъ не послушалъ и не вѣрилъ, а потомъ все такъ учинилось, какъ мы писали, и, чаю, что нынѣ письмецо наше есть и вы его прочтите“. Изъ этихъ словъ Досиеея видно, что онъ уже въ 1672 году пытался было давать политическіе совѣты русскому правительству, но его услуги не были приняты тогда во вниманіе царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Болѣе близкія отношенія съ До-

¹²⁸) Наша книга: Характ. отнш. Рос. къ прав. вост. Прилож. стр. 46.